
Къ вопросу о церковномъ имуществѣ и отношеніи государства къ церковнымъ недвижимымъ имѣніямъ въ Россіи¹⁾.

(Докладъ Присяжнаго Повѣреннаго Н. Д. Кузнецова IV отдѣлу Предсоборнаго Присутствія).

VI.

А. Вопросъ о правахъ Церкви по имуществу долженъ обсуждаться въ связи съ общимъ отношеніемъ государства къ Церкви. Теорія правоваго государства въ отношеніи къ Церкви. Отношеніе государства къ Церкви при христіанской точки зрѣнія на государство. Тенденція теоріи правоваго государства. Стремленіе оправдать ее интересами самой Церкви. Принять это значитъ впасть въ искушеніе. Несоответствіе требованій теоріи правоваго государства условіямъ русской жизни. Указанія Библіи по вопросу о церковныхъ земляхъ. Данныя о недвижимой церковной собственности въ Россіи. Вредъ для интересовъ Церкви замѣны земель деньгами или казеннымъ жалованьемъ духовенству. Необходимость участія собора по вопросу объ отчужденіи церковныхъ земель.

В. Необходимость по обстоятельствамъ времени обсужденія вопроса о монастырскихъ земляхъ въ связи съ вопросомъ о монастыряхъ вообще. Причины появленія монашества и его задачи. Общественное значеніе монастырей. Особенное значеніе монастырей въ Россіи. Участіе ихъ въ строеніи государства и духовной жизни народа. Начала руководившія устройствомъ монастырей. Обнаруженіе ихъ въ исторіи Византіи и Россіи. Значеніе въ Россіи монастырей, какъ церковныхъ учреждений. Забвеніе духовныхъ интересовъ самихъ монаховъ. Желательность расширенія общественной дѣятельности монастырей. Необходимость сохраненія монастырскихъ земель.

А.

Въ настоящее время въ Россіи стоитъ на очереди важный государственный вопросъ аграрный. Вопросъ этотъ, какъ и большинство другихъ, успѣлъ уже окутаться густымъ слоємъ

¹⁾ Продолженіе. См. Іюль - Августовскую и Сентябрьскую кн. Богосл. Вѣстн. за 1907 г.

противоположныхъ мнѣній и сосредоточить около себя борьбу классовыхъ интересовъ. Среди этой—какъ бы атмосферы, образовавшейся около аграрнаго вопроса, очень громко раздаются крики о необходимости принудительнаго отчужденія церковныхъ и монастырскихъ земель, и крики эти приняли форму чего-то, къ-мъ-то и гдѣ-то, безапелляціонно рѣшеннаго и уже не допускающаго возраженій. Къ сожалѣнію, во всемъ этомъ почти не слышно голосовъ выступающихъ на видъ интересъ Церкви. Они вообще ушли куда-то на второй планъ, и многіе изъ нихъ хранятъ молчаніе подавленные натискомъ момента и, повидимому сами не знаютъ, чего держаться. Поэтому предсоборному присутствію тѣмъ болѣе нельзя не высказаться прямо по поводу циркулирующихъ теперь въ обществѣ и старательно разносимыхъ брошюрочной литературой требованій объ отчужденіи послѣднихъ церковныхъ земель.

Конечно, Церковь сама въ себѣ не обладаетъ средствами къ защитѣ своего имущественнаго права. Это хорошо выразалъ, напр., еще св. Кириллъ Бѣлозерскій передъ своимъ княземъ. Прося князя данное имъ жалованье и грамоты монастырю оставить неподвижными, „какъ при его жизни такъ и по смерти, св. Кириллъ замѣчаетъ: занеже, господинъ князь великій“, намъ твоимъ нищимъ не чимъ боронитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею и твоимъ, господине, жалованіемъ нашего господина и господаря ¹⁾. А вотъ разсужденіе по этому вопросу представителей духовной власти въ Византіи. Въ 1367 году императоръ Іоаннъ II потребовалъ отъ патріарха Филофея на военныя надобности два имѣнія, принадлежавшія Константинопольской церкви, обѣщая предоставить другой равный доходъ. Патріархъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ права на это согласиться и созвалъ соборъ, который единогласно подтвердилъ, что ни патріархъ ни Синодъ не имѣютъ права отдавать церковное имущество кому бы то ни было. „Если же святой царь, добавилъ соборъ, желаетъ взять ихъ своею властью, то пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ дѣлать. Самъ онъ далъ ихъ церкви, самъ же пусть и возьметъ ихъ,

1) Духовная грамота преи. Кирилла Бѣлозерскаго 1427 года. Акты историческіе, т. I № 52.

если желаетъ взять; онъ имѣетъ право дѣлать съ ними, что хочетъ. Сами же мы никогда этого не сдѣлаемъ что бы ни случилось ¹⁾).

Верховная власть въ государствѣ, являясь и субъектомъ всякаго въ немъ правообразованія, конечно, и фактически и юридически можетъ поступать съ находящейся въ предѣлахъ государства недвижимой собственностью, какъ признаетъ согласіе съ интересами государства, и обосновать неправильность отчужденія церковныхъ земель на юридическихъ правахъ, какъ желали бы нѣкоторые, было бы бесплодной попыткой. Сегодняшнія юридическія права, на которыя мы стали бы опираться, завтра могутъ быть измѣнены государствомъ, какъ разъ именно въ направленіи отчужденія церковной земельной собственности. Кромѣ того человѣческая и въ томъ числѣ государственная жизнь и дѣятельность съ ихъ болѣе глубокой внутренней стороны не могутъ опредѣляться одними юридическими нормами, которыя сами создаются подъ вліяніемъ стремленія оградить законами тотъ или иной интересъ. Поэтому вопросъ объ отношеніи государства къ правамъ Церкви по имуществу можетъ быть обсуждаемъ лишь въ связи съ общимъ отношеніемъ государства къ Церкви. Онъ, какъ и все касающееся Церкви, прежде всего носитъ религіозно-нравственный характеръ, что особенно ясно и обнаруживается въ исторіи Россіи. Каковъ взглядъ государства на Церковь, насколько государство желаетъ предоставлять зависящую отъ него возможность развитію хранящихся въ Церкви идеаловъ жизни и вообще осуществленію преслѣдуемыхъ ею цѣлей, какіе интересы народа оно ставитъ на первомъ планѣ, какъ смотритъ на удовлетвореніе религіозно-нравственныхъ потребностей народа—все это составляетъ скрытое начало тѣхъ или иныхъ отношеній государства къ Церкви, и, конечно, должно отразиться и на разрѣшеніи вопроса о церковномъ имуществѣ.

Положимъ, государство въ лицѣ законодателей и правительства подъ вліяніемъ индифферентизма, который по справедливому замѣчанію одного ученаго есть опасная форма вражды къ религіи, потеряло способность понимать природу

1) Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи П. Соколова глава IV стр. 173.

и задачи Церкви, и отъ его ограниченнаго духовнаго кругозора ускользають хранящіяся въ Церкви сѣмена высшей человѣческой жизни. Или болѣе того, положимъ, государство подъ напоромъ ходячихъ антирелигіозныхъ взглядовъ и обыкновенно на вѣру принимаемыхъ разнаго рода враждебныхъ христіанству выводовъ и положеній начинаетъ смотрѣть на Церковь, какъ на учрежденіе отжившее и даже вредное. Что же удивительнаго, если при такихъ условіяхъ государство не только перестаетъ думать о пополненіи для Церкви недостающаго количества недвижимаго имущества, представляющаго наиболѣе прочную форму матеріальнаго обезпеченія, но и будетъ стараться отобрать существующія, прикрываясь разными другими задачами. Если безрелигіозный или оторванный отъ Церкви воздѣльватель земли въ глазахъ государства лучше и нужнѣе, чѣмъ челоуѣкъ, удѣлившій небольшую часть своей земли на цѣли церковныя и вмѣсто нея получающій отъ Церкви незамѣнимыя духовныя блага и помощь, то вполне понятны и крики о принудительномъ отчужденіи послѣдней церковной недвижимости подъ предлогомъ раздачи ея крестьянамъ. Въ настоящее время преобладающимъ теченіемъ является стремленіе устраивать Россію по теоріи правоваго государства. Корни этой теоріи нужно искать, въ такъ называемомъ, естественномъ правѣ 1) (*jus naturale*), которое по своему содержанию представляетъ величину измѣняющуюся во времени. Поэтому на его основѣ вообще едва-ли можно устроить что-либо объективно справедливое, передъ чѣмъ можно было бы склонить свое сознаніе и волю. Не касаясь теоріи правоваго государства съ политической стороны, остановимъ свое вниманіе на отношеніи ея къ Церкви. Теорія эта выходитъ изъ различія организмовъ церковнаго и государственнаго, при чемъ послѣдователи ея въ доказательство справедливости этого положенія иногда прямо ссылаются на слова Спасителя: отдавайте Кесарево—Кесарю, а Божіе—Богу (Мтѣ. XXII, 21) и этимъ подкупають многихъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что на развитіе теоріи правоваго государства, по крайней мѣрѣ въ ея отношеніяхъ къ

1) Срав. Проф. Н. С. Суворова. Курсъ церковнаго права, т. II, ч. V. § 200 Ярославль. 1889 г.

Церкви, оказало немалое вліяніе появленіе въ приложеніи къ извѣстной энцикликѣ папы Пія ІХ въ декабрѣ 1864 года Syllabus errorum, т. е. перечня современныхъ заблужденій, и провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости на Ватиканскомъ соборѣ 1869—1870 года. Такимъ образомъ исторія правоваго государства по вопросу о Церкви вмѣсто нормированія ихъ отношеній согласно съ ихъ природою сама поддалась вліянію факта искаженія Христіанской Церкви въ римскомъ католицизмѣ и стремленія его обратиться въ церковь—государство. Уже одно участіе въ развитіи теоріи правоваго государства столь отрицательнаго фактора, какъ притязанія римскаго католицизма, показываетъ, насколько осторожно слѣдуетъ относиться къ проводимому этой теоріей различію Церкви и государства. Изъ словъ отдавайте кесарево—кесарю, а Божіе—Богу, отмѣчающихъ различіе природы общеній церковнаго и государственнаго, вовсе однако не вытекаетъ, чтобы государство признавалось Спасителемъ, какъ что-то противоположное Богу и съ своей стороны не обязанное способствовать свойственнымъ ему образомъ осуществленію на землѣ—задачъ христіанскихъ. Нельзя же допустить, чтобы въ то время какъ Церковь ведетъ людей къ единенію съ Христомъ, государство могло направлять ихъ къ антихристу. Передъ сознаніемъ Церкви и государства одинаково долженъ стоять Богъ, какъ верховное начало всего. Здѣсь сосредоточено надъ ними какъ бы солнце, которое освѣщаетъ и осмысливаетъ жизнь того и другого. По христіанскому ученію, выраженному св. ап. Павломъ, государство въ лицѣ своихъ органовъ имѣетъ цѣлью служить на добро людямъ и особенно путемъ обузданія столь распространеннаго въ мірѣ зла, и въ этомъ отношеніи справедливаго представителя власти апостоль прямо называетъ Божиимъ служителемъ (Рим. XIII, 2—6). Какъ для проявленія въ мірѣ духа нужно тѣло, такъ и для осуществленія въ немъ высшихъ духовныхъ цѣлей человѣчества необходима матеріальная возможность къ этому. Доставленіе этой матеріальной возможности и огражденіе ея отъ покушеній на нее со стороны злыхъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, и лежитъ на государствѣ. Въ дополненіе къ этому я позволяю себѣ обратить вниманіе на высказанное уже мною въ докладѣ I Отдѣлу предсоборнаго Присутствія 31 мая 1906 года по вопросу объ отношеніяхъ

Церкви и государства въ Россіи ¹⁾. А вотъ что говорить по этому поводу глубокий русскій мыслитель Вл. С. Соловьевъ: Христіанство, придя въ міръ, чтобы спасти міръ, спасло и высшее проявленіе міра—государство, открывъ ему истинную цѣль и смыслъ его существованія. Разница между христіанскимъ и языческимъ государствомъ состоитъ въ томъ, что это послѣднее думало имѣть цѣль въ себѣ самомъ и потому оказалось безцѣльнымъ и бессмысленнымъ; христіанское же государство признаетъ надъ собою ту высшую цѣль, которая дается религіей и представляется церковью“ и въ добровольномъ служеніи этой цѣли христіанское государство находитъ свой высшій смыслъ и назначеніе... Христіанство признаетъ за государствомъ положительную задачу и дѣятельный прогрессивный характеръ: оно не только призываетъ государство къ борьбѣ съ злыми силами міра подъ знаменемъ церкви, но требуетъ отъ него также, чтобы оно проводило въ политическую и международную жизнь нравственныя начала“... Въ христіанскомъ государствѣ, по разъясненію В. С. Соловьева, находится все то, что было и въ государствѣ языческомъ, но „все это получаетъ иное значеніе, обновляется въ духѣ истины“. Есть въ немъ и законъ, но не въ смыслѣ простаго узаконенія дѣйствительныхъ отношеній, а въ смыслѣ ихъ исправленія по идеямъ высшей правды“. Есть верховная власть, но не какъ обоготвореніе человѣческаго произвола, а какъ особое служеніе волѣ Божіей. Представитель власти въ христіанскомъ государствѣ не есть только обладатель всѣхъ правъ какъ языческой кесарь,—онъ главнымъ образомъ есть носитель всѣхъ обязанностей христіанскаго общества по отношенію къ Церкви, т. е. къ дѣлу Божію на землѣ“ ²⁾. Историческій опытъ людей времени римской имперіи ясно свидѣтельствуетъ, что государство не можетъ дать изъ себя разумнаго смысла для человѣческой жизни и само нуждается въ полученіи его откуда-то извнѣ. Политическая жизнь для оправданія передъ человѣческой природой сама требуетъ высшихъ принциповъ

1) Журналъ засѣданія I отдѣла № 21. Журналы и протоколы Высочайше учрежденнаго предсоборнаго присутствія. Томъ I Спб. 1906 г. и Н. Д. Кузнецовъ: По вопросамъ церковныхъ преобразованій. Отд. III Москва 1907 г.

2) Собраніе сочиненій В. С. Соловьева т. III. Духовныя основы жизни часть II, глава III. Спб.

и цѣлей, которыя составляли бы ея движущее начало. Таковыми и должны быть хранимые Церковью христіанское воззрѣніе на міръ и человѣка, позволяющее государству смотрѣть на себя какъ на одно изъ средствъ способствующихъ достиженію высшихъ задачъ человѣческой жизни. Церковь по отношенію къ государству представляетъ изъ себя какъ бы огненный столбъ, освѣщающій шествіе народовъ по пути ихъ исторической жизни. Не забудемъ, что если въ глубинѣ стремленій, направляющихъ государственную жизнь и дѣятельность, не будутъ лежать христіанскія начала, то все равно ихъ мѣсто займутъ другія, антихристіанскія, которыя скрытно и часто даже безсознательно для самихъ государственныхъ дѣятелей будутъ руководить ими. Христіанство слишкомъ близко человѣческой природѣ и захватываетъ ее въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ, оказывающихъ постоянное вліяніе на человѣка. Отверженіе христіанства является уже извращеніемъ нормальной человѣческой природы и правильнаго отношенія къ самому себѣ. Въ области же государства это сказывается помраченіемъ въ массахъ высшаго смысла жизни, устройствомъ внѣшнихъ условій и порядковъ жизни, идущихъ въ разрѣзъ съ потребностями и свойствами нормальной человѣческой природы, и перенесеніемъ на государство роли верховнаго начала. Извѣстно, напр., замѣчаніе одного изъ сторонниковъ преобразованія государства на новыхъ основаніяхъ что „государство будущаго явится одновременно и императоромъ и папой“. Все это сопровождается и теоретическимъ и практическимъ подрывомъ достоинства человѣческой личности. По христіанскому ученію, хранимому Церковью, каждый изъ насъ, пусть онъ будетъ слабъ, бѣденъ, преступенъ, какъ носящій въ себѣ образъ Божій (Дѣянія. XVII, 28—29), самъ по себѣ имѣетъ великую цѣну и не можетъ быть обращаемъ въ средство для достиженія какихъ-либо постороннихъ для него цѣлей. Человѣкъ не поглощается также и человѣчествомъ. Между тѣмъ при отсутствіи христіанскаго духа и пониманія жизни люди, чтобы найти гдѣ-либо опору, начинаютъ въ основаніе всего полагать интересъ общественный или государственный. Они начинаютъ иногда разсуждать и поступать такъ, какъ будто бы живущій въ данное время человѣкъ представляетъ изъ себя только средство для удобства жизни будущихъ поколѣ-

ній. Нѣкоторыя же новыя стремленія къ переустройству государства, порвавшія связь съ христіанствомъ, прямо допускають, какъ уже само собою разумѣющееся положеніе, возможность и даже необходимость принесенія людей въ жертву еще только теоретическому построенію лучшаго будущаго. Въ основѣ ихъ такъ и проглядываетъ возможность въ концѣ концовъ прямо сказать человѣку: Ты не болѣе какъ навозъ, предназначенный для удобренія почвы, на которой будетъ процвѣтать полная матеріальнаго благосостоянія жизнь другихъ поколѣній. Довольствуйся же этой прекрасной, вполнѣ альтруистической ролью, и жертвуй собой, а то мы и сами пожертвуемъ тобой, ради любви къ тому, что, по нашему увѣренію, будетъ со временемъ. Такъ люди, потерявшіе свѣтъ жизни (Іоан. VIII, 12), перестаютъ понимать собственную природу и сами стараются свести себя къ нулю. Въ другихъ теченіяхъ по вопросу о государствѣ отверженіе христіанства сказывается съ противоположной стороны. Разрывъ связи съ христіанствомъ, которое содержитъ въ себѣ истинное пониманіе человѣческой личности въ ея идеальномъ и обычномъ состояніи, мало по малу подготавливаетъ черезъ нихъ почву въ направленіи разрушенія государства. Извѣстно, что въ исторіи политическихъ ученій имѣло большое вліяніе провозглашеніе формальныхъ началъ свободы и равенства съ выводимыми изъ нихъ правами человѣка и гражданина, въ которыхъ государство должно находить свое ограниченіе. Принимая это во вниманіе многіе сторонники правовой теоріи приходятъ къ справедливому признанію нѣкоторыхъ высшихъ нормъ, стоящихъ надъ государствомъ и для него обязательныхъ, но къ сожалѣнію, стараются опираться ихъ не на данныя христіанства, а на требованія естественнаго права. Среди нихъ на первый планъ и выдвигаются неотчуждаемыя права человѣка. Пока такія увлекающія слова, какъ наприм., свобода, и выводимыя изъ этихъ понятій права, прилагаются къ отвлеченному понятію о человѣкѣ, къ личности его какъ существу абстрактному, можетъ казаться, что инныя теоріи способны разрѣшить важный вопросъ объ отношеніи личности и государства. Но стоитъ намъ перейти отъ теоретическихъ разсужденій въ область конкретной дѣйствительности, къ человѣку облеченному плотью и кровью, имѣть въ виду

его личность, какъ она обнаруживается въ жизни съ ея измѣняющимися мыслями, чувствами и желаніями, съ ея внутреннимъ разладомъ и происходящей въ ней борьбой добра и зла, столь ярко и вѣрно отмѣченныхъ св. ап. Павломъ (Рим. VII, 14—24), и многія заманчивыя, а при болѣе твердомъ и правильномъ основаніи заслуживающія бы полнаго вниманія теоріи, начинаютъ возбуждать немало недоумѣній и вызывать сомнѣніе въ способности устоять при столкновеніи съ суровой дѣйствительностью. Въ формальныя положенія, какъ бы высоки они ни казались, по свидѣтельству опыта жизни, можетъ вкладываться разное нравственное содержаніе. Подъ прекрасными формами можетъ свить себѣ гнѣздо зло и они часто не въ силахъ противодействовать этому. Предоставленіе, наприм., формальной свободы можетъ обращаться въ свободу зла. Указаніе на то, что свобода одного должна ограничивать свободу другаго, не уничтожаетъ возможности этого. Стремленія и черты человѣческой природы, которыя государство призвано сдерживать, направляютъ мысль какъ разъ во имя абстрактныхъ понятій свободы и друг. къ отрицанію самого государства и прокладываютъ путь къ анархизму. Если правовая и другія теоріи о государствѣ дѣйствительно желаютъ заботиться о человѣческой личности, то при надѣленіи ея неотъемлемыми правами и развитіи въ этомъ отношеніи законодательства они не должны довольствоваться отвлеченнымъ понятіемъ о человѣкѣ и игнорировать при этомъ христіанство, раскрывающее значеніе и состояніе человѣческой личности и способное дать твердыя основанія къ болѣе правильному разрѣшенію вопроса объ отношеніи личности и государства. Не слѣдуетъ забывать, что и самое провозглашеніе правъ человѣка, составляющее требованіе современной культуры, произошло подъ разными вліяніями на нее христіанства. Поэтому основывающіяся на нихъ теоріи, но отвергающія при этомъ христіанство, напоминаютъ тѣхъ, кто сталъ бы рубить дерево, на поверхности котораго они пріютились и соками котораго могли бы питаться. При такихъ условіяхъ построенія подобныхъ теорій естественно представляются неопредѣленными и безъ твердой опоры. Они, по выраженію анархистовъ, являются продуктомъ „дряблага либерализма“, и должны уступить мѣсто ихъ ученіямъ. Формальныя положенія безъ связи

съ нравственнымъ содержаніемъ, очевидно, не достаточны для правильнаго устроенія государства. Они могутъ вести къ отрицанію государства и уже однимъ этимъ обнаруживаютъ свою внутреннюю пустоту. Государству, какъ и отдѣльнымъ людямъ, нужно хорошо помнить предупрежденіе Спасителя: „Кто не со Мною, тотъ противъ Меня и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ“ (Мтѣ. XII, 30). Таково христіанское пониманіе государственной жизни въ отношеніи къ Церкви. И развѣ отсюда можетъ слѣдовать, что государство должно стараться быть равнодушнымъ къ христіанской религіи, игнорировать церковныя цѣли и въ мѣру своей возможности не только не способствовать имъ, но и затруднять ихъ осуществленіе, не предоставляя Церкви нужныхъ для нея матеріальныхъ средствъ? Между тѣмъ большинство сторонниковъ правовой теоріи государства ясно обнаруживаютъ, что она смотритъ на Церковь, какъ на элементъ лишній и по меньшей мѣрѣ бесполезный для государства, что съ теченіемъ времени Церковь должна быть совсѣмъ отброшена, а пока съ ней приходится считаться только въ силу необходимости. Въ теоріи этой сидитъ тенденція полнаго отдѣленія Церкви отъ государства. А вѣдь это значить не болѣе ни менѣе, какъ присутствіе стремленія лишить Церковь ея священнаго характера въ отношеніяхъ къ ней государства, низвести ее въ разрядъ обыкновенныхъ частныхъ обществъ и учреждений, какъ наприм., торговныя, промышленныя, благотворительныя и друг., и отнять у Церкви право на особыя услуги со стороны государства къ созданію лучшей матеріальной возможности для осуществленія ея духовныхъ цѣлей. Нужно прямо сказать, что въ послѣднее время подъ вліяніемъ правовой теоріи государства, а еще тѣмъ болѣе нѣкоторыхъ другихъ, обнаруживается явное стремленіе снова сообщить государству языческій характеръ. Для оправданія же такого направленія въ глазахъ людей, признающихъ Церковь и къ ней принадлежащихъ, въ послѣднее время часто начинаютъ указывать на пользу отъ этого для самой же Церкви. „Церковь преслѣдуетъ духовныя задачи, убѣждаютъ теперь нерѣдко, и должна дѣйствовать лишь духовнымъ образомъ. Она царство не отъ міра сего. Чѣмъ меньше Церковь будетъ располагать всякими внѣшними благами и чѣмъ болѣе будетъ даже претерпѣвать отъ

окружающаго міра, тѣмъ возвышеннѣе, чище и духовнѣе будетъ она. Пользованіе матеріальными средствами унижаетъ ея природу и не соотвѣтствуетъ ея великимъ задачамъ. Глава ея Христосъ не имѣлъ гдѣ преклонить Свою главу и указывалъ своимъ послѣдователямъ на птицъ небесныхъ, которые не сѣютъ, ни жнутъ и не собираютъ въ житницы... При такихъ только условіяхъ Церковь и можетъ освободиться отъ связи съ государствомъ, которое пользовалось ею въ своихъ земныхъ цѣляхъ, и своими заботами о ней можетъ только загрязнить ее". Многие сбитые съ толку современнымъ хаосомъ разныхъ мнѣній и множествомъ сразу выдвинувшихся потребностей государственной и церковной жизни, въ которыхъ они не привыкли разбираться, готовы раздѣлять подобныя соображенія. Но, если по направленію этой точки зрѣнія идти дальше, то вѣдь придется признать, что для Церкви всего полезнѣе быть гонимой, а для ея членовъ самый подходящій путь жизни, когда имъ будутъ создавать внѣшнія затрудненія принадлежности къ Церкви, а пожалуй даже и мучить за приверженность ко Христу. По крайней мѣрѣ тогда уже навѣрное обнаружится искренность ихъ пребыванія въ Церкви и твердость вѣры во Христа, а въ Церкви останутся одни лишь сильные и горячіе духомъ. Отсюда выходитъ, что чуть-ли не самое желательное для Церкви отношеніе обнаружило къ ней древнее римское государство во времена императоровъ Неропа, Декія, Деоклетіана и другихъ жестокихъ гонителей, которые сожигали христіанъ и подвергали ихъ всякаго рода пыткамъ. Если дьяволъ искушалъ Христа требованіемъ превратить камни въ хлѣбъ, то теперь Церковь Его пытаются искусить обратнымъ требованіемъ отказаться отъ хлѣба, согласиться на замѣну его камнями и при этомъ умѣть существовать и дѣйствовать въ окружающемъ матеріальномъ мірѣ. Членовъ Церкви, т. е. особаго общества людей, состоящихъ однако изъ духа и тѣла, нуждающихся въ разнообразныхъ матеріальныхъ средствахъ для своей дѣятельности и подверженныхъ, какъ и само государство, дѣйствию общихъ законовъ, вдругъ подъ видомъ блага самой же Церкви убѣждаютъ устранять существованіе чуть-ли не независимое отъ этихъ условій! Если нѣкоторые, насколько мнѣ приходилось наблюдать, и поддаются подобнымъ соображеніямъ, то русскій

народъ въ его массѣ, нужно надѣяться, еще понимаетъ, что для Церкви, предназначенной къ дѣятельности на землѣ, необходимы самыя разнообразныя матеріальныя средства и что со стороны представителей церковныхъ интересовъ было бы неблагоразумно и даже преступно передъ Церковью признавать допустимымъ съ церковной точки зрѣнія отдавать церковное имущество на другія цѣли и отказываться отъ его пополненія или отъ созданія для Церкви разныхъ другихъ благопріятныхъ внѣшнихъ условій. Такъ думалъ русскій народъ и государственная власть Россіи на протяженіи всей нашей исторіи. Конечно, изъ этого вовсе не вытекаетъ, чтобы государству была предоставлена черезъ это возможность пользоваться Церковью въ своихъ особыхъ цѣляхъ, какъ это къ сожалѣнію иногда бывало, и чѣмъ теперь стараются прикрываться иные въ своихъ враждебныхъ для Церкви видахъ. Я уже неоднократно обращалъ вниманіе Присутствія, что въ дѣлѣ предстоящихъ преобразованій нужно строго различать преслѣдованіе государствомъ своихъ собственныхъ задачъ въ области Церкви и заботы его о внѣшнемъ благосостояніи Церкви. Перваго быть не должно, а второе требуетъ лишь правильныхъ формъ ¹⁾. Утверждать же, что принятіе—Церковью подобныхъ заботъ отъ государства унижаетъ ея достоинство и вредно для ея цѣлей значить не отдавать себѣ яснаго отчета въ ея природѣ и отношеніи къ окружающему міру. Государство, доставляя Церкви матеріальныя блага и разныя юридическія права, облегчающія ея внѣшнее существованіе и дѣятельность, обращаетъ ихъ черезъ это на служеніе высшимъ цѣлямъ человѣческой жизни и—само въ известной степени привлекается къ участию въ этомъ великомъ дѣлѣ. Способствованіе государствомъ по мѣрѣ его возможности церковнымъ цѣлямъ не можетъ не быть полезно для него въ религіозно-нравственномъ отношеніи и есть одинъ изъ видовъ свойственнаго государству служенія Богу. Уже по одному этому Церковь не можетъ отвергать известныхъ заботъ о ней со стороны государства.

1) Докладъ I отдѣлу присутствія 31 мая 1906 г. по вопросу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи. Журналъ I отдѣла № 27; Рѣчь въ общемъ собраніи присутствія 13 іюня 1906 г. Н. Д. Кузнецовъ. По Вопросамъ церковныхъ преобразованій отд. III.

Милостивыя указанія Спасителя, что въ Его глазахъ имѣетъ значеніе даже чаша холодной воды, поданная Его ученику, небольшая жертва на храмъ, приношеніе для Его помазанія драгоценнаго мѣра,—нѣтъ основаній не относить и къ людямъ, представляющимъ изъ себя и такое коллективное цѣлое, каково государство. Да и развѣ можно думать по отношенію къ Церкви, что фактъ принятія ею матеріальныхъ благъ и разныхъ правъ отъ государства вредитъ ея дѣятельности? Вѣдь блага эти и права не болѣе какъ средство, которое можно употреблять для тѣхъ или другихъ цѣлей. А Церковь стремится все привлекать къ высшему служенію и во все вкладывать иной духъ. Что же говорить о матеріальныхъ благахъ и юридическихъ правахъ, когда Церковь настойчиво призываетъ къ себѣ людей зараженныхъ грѣхомъ и злой волей, и отъ присутствія ихъ не только не боится оскверниться, но дѣлаетъ изъ нихъ людей съ другими мыслями, чувствами и желаніями! Если же духовенство иногда и злоупотребляло средствами, получаемыми Церковью отъ государства, то вѣдь это слѣдуетъ лишь предупредить путемъ возможнаго правильнаго устройства церковнаго управленія. На основаніи подобныхъ фактовъ вовсе нельзя разрѣшать вопросъ принципиально, да еще непремѣнно въ отрицательномъ смыслѣ. Не будемъ забывать, что самъ апостоль Павелъ во время своего апостольскаго служенія не пренебрегалъ своими правами, соединенными со званіемъ римскаго гражданина, и пользовался ими, когда находилъ это нужнымъ (Дѣянія XXII, 25—29).

Вспомнимъ затѣмъ многихъ великихъ свѣтилъ Церкви временъ вселенскихъ соборовъ, каковы, наприм., св. Григорій Богословъ, св. Іоаннъ Златоустъ, св. Василій Великій и друг., а также соображенія и дѣйствія самихъ соборовъ. Высота ихъ религіознаго созерцанія, сила христіанской вѣры и пониманія задачъ Церкви таковы, что намъ приходится поучаться у нихъ и ими провѣрять себя. Между тѣмъ они не только не усматривали въ полученіи возможныхъ услугъ отъ государства, сознающаго исключительное значеніе Церкви, чего-либо ея оскверняющаго, но находили, что въ извѣстныхъ случаяхъ оно составляетъ обязанность государства, если оно и съ своей стороны желаетъ въ свою мѣру

послужить дѣлу Церкви ¹⁾. При такихъ условіяхъ какимъ дѣтскимъ лепетомъ могутъ представляться столь нерѣдкія теперь поученія, да еще по адресу цѣлой Церкви, о необходимости ей самой отказаться отъ всякаго допустимаго участія въ ея интересахъ со стороны государства. Если же подобныя поученія исходятъ кромѣ того отъ людей отвергающихъ задачи Церкви или къ ней вообще не принадлежащихъ, то развѣ можно придавать имъ какое-либо серьезное значеніе въ дѣлѣ предстоящихъ преобразованій и не постараться прежде всего отыскать дѣйствительную причину вдругъ обнаруживаемыхъ ими заботъ о благѣ отвергаемой ими Церкви.

Вообще нужно замѣтить, что если бы при устройствѣ въ Россіи правового государства вздумали подражать Западной Европѣ и въ дѣлѣ отношенія его къ Православной Церкви, то это было бы построеніе чисто-теоретическое, придуманное и насильственно проводимое въ жизнь. Кромѣ того этимъ была бы разорвана связь съ нашей исторіей и непрерывности развитія Россіи угрожала бы опасность. Ожидаемая же преобразованія безъ сохраненія должной связи съ историческими особенностями Россіи, какъ государства, не оказались бы покоящимися на живыхъ силахъ, таящихся въ русскомъ народѣ, и не могли бы способствовать его духовнымъ интересамъ. А силы эти, какъ показываетъ исторія и какъ свидѣтельствуютъ по себѣ и по тонкому наблюденію за народной душой такія лица, какъ Достоевскій, Хомяковъ, Аксаковъ и друг., имѣютъ внутреннюю связь съ Церковью, и все, что есть лучшаго въ русскомъ народѣ, такъ или иначе соединено съ нею. „Жить—Богу служить“, цѣлые вѣка твердитъ русскій народъ. Игнорированіе же этого столь важнаго для жизни отношенія со стороны государственной власти и призванныхъ къ законодательству людей при организациіи новаго государственнаго строя было бы не только неуваженіемъ къ высшимъ потребностямъ русскаго народа, но и легкомысленной исторической ошибкой ²⁾.

1) Докладъ 1 отдѣлу по вопросу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи и Преобразованія въ Русской Церкви. Н. Д. Кузнецова гл. IV стр. 87—90. Москва 1906 г.

2) Нельзя не замѣтить, что нѣкоторые представители науки о государствѣ на Западѣ, обращающіе вниманіе на дѣйствительную жизнь, не

Нужно надѣяться, что русскій народъ и государственная власть не допустятъ разрыва исторической связи государства и Православной Церкви въ Россіи и прекращенія заботъ со стороны государства объ ея матеріальномъ благосостояніи. По крайней мѣрѣ пока государство открыто не объявило объ этомъ, мы не должны исходить изъ иныхъ положеній и по вопросу о церковныхъ и монастырскихъ земляхъ.

„Земля Божія, сказано въ Библии, твердятъ теперь по поводу аграрной реформы, и вѣрующіе въ Бога и невѣрующіе, при чемъ нерѣдко прямо ссылаются на книгу Левитъ XXV, 23 и друг., и это дѣлается, очевидно, съ цѣлью найти въ Библии оправданіе для проведенія закона о принудительномъ отчужденіи земель не только частно-владѣльческихъ, но даже и церковныхъ. Однако, ужь если ссылаться на Библию и прислушиваться къ ея указаніямъ, то нельзя же довольствоваться выхваченными въ ней изъ общей связи отдѣльными выраженіями, да еще вычитанными изъ разныхъ брошюръ и газетъ, а нужно уяснить себѣ по возможности все отношеніе Библии къ вопросу о распредѣленіи земли. Библия дѣйствительно неоднократно напоминаетъ людямъ, что „Господня-земля“ и не только земля, но „и что наполняетъ ее, вселенная и все живущее въ ней. (Псал. XXIII, 1; 1 Коринѳ. X, 26; Лев. XXV, 23; Исх. IX, 29).

находятъ возможнымъ проведеніе принципа отдѣленія Церкви и государства. Hinschius, наприм., утверждаетъ, что при существованіи особыхъ исторически сложившихся хорошихъ отношеній между Церковью и государствомъ и исключительномъ положеніи одного вѣроисповѣданія не только нѣтъ реальныхъ условій для ихъ отдѣленія, но черезъ введеніе новыхъ порядковъ могутъ быть разрушены прежнія общественныя соотношенія, оказавшія благотворныя вліянія на народъ. А Bluntschli, наприм., прямо отрицаетъ безразличное отношеніе государства къ религіи. Онъ раздѣляетъ религіозныя общества на признанныя со стороны государства и только имъ терпимыя. Къ первымъ, по мнѣнію Блунчли, должны принадлежать имѣющія значеніе для государства по своему историческому положенію и связн съ его судьбами и благотворно вліяющія на нравы и убѣжденія народа. Подобной, Церкви, представляющей Церковь большинства народа, государство можетъ оказывать особый почетъ и уваженіе, приглашать ее къ участию въ общественныхъ дѣлахъ какъ-то въ народномъ образованіи, благотворительности и т. д., и доставлять ей матеріальныя средства. (См. также проф. И. С. Бердникова „Новое государство въ его отношеніи къ религіи“. Казань, 1904 г.).

Что же отсюда должно слѣдовать по дальнѣйшему указанію самой же Библии относительно земель церковныхъ, которыя только мы здѣсь и имѣемъ въ виду? А вотъ что! Для лучшаго запечатлѣнія этого библейскаго сознанія въ людяхъ и вообще болѣе частаго и реальнаго напоминанія имъ о Богѣ часть земли, на которой проживаетъ данный народъ, должна быть посвящена Богу, т. е. опредѣлена на удовлетвореніе потребностей, связанныхъ съ Богопочитаніемъ, богослуженіемъ, распространеніемъ истиннаго вѣдѣнія о Богѣ, съ поддержаніемъ духовенства какъ людей предназначенныхъ для этихъ цѣлей и т. д., при чемъ посвящаемая такимъ образомъ Богу земля должна находиться въ особомъ положеніи и быть изъята изъ общаго гражданскаго оборота. При раздѣлѣ земли участки ея въ извѣстныхъ размѣрахъ должны были быть отдѣлены для посвященія его Богу. Онъ предназначался для храма и проживанія священниковъ и не могъ быть отчуждаемъ левитами ни продажей, ни обмѣномъ (Лев. XLV, 1, 4 и XLVIII, 9, 10, 14). Ветхозавѣтный законъ категорически повелѣвалъ сынамъ Израилевымъ, чтобы они изъ удѣловъ владѣнія своего дали левитамъ города для жительства и поля для скота ихъ и для имѣнія ихъ и для всѣхъ житейскихъ потребностей ихъ (Числь XXXV, 2—3; Ис. Навина XXI, 1 Паралип. VI, 64—65). Поля левитовъ въ законѣ названы вѣчнымъ ихъ владѣніемъ и они не могли быть продаваемы (Лев. XXV, 34). Кромѣ того законъ Моисея предоставлялъ посвящать Богу между прочимъ и поле изъ своего владѣнія. Въ извѣстныхъ случаяхъ поле это становилось святынею Господу, какъ бы заклѣтымъ, и должно было переходить во владѣніе священника (Лев. XXVII, 16, 21). Вообще же все заклѣтое, что подъ заклѣтіемъ отдаетъ человекъ Господу изъ своей собственности и въ томъ числѣ поле своего владѣнія, законъ воспрещалъ продавать или выкупать. Все заклѣтое, по его разъясненію, есть великая святыня Господня (Лев. XXVII, 28).

Такимъ образомъ св. Писаніе, рассматривая землю какъ Божію, ясно свидѣтельствуетъ о необходимости отдѣленія части ея для нуждъ Церкви и притомъ въ неприкосновенную ея собственность. Эти указанія Библии оказали глубокое вліяніе и на отношенія къ вопросу о церковномъ имуществѣ въ христіанской Церкви. На нихъ основывали свои

соображенія соборы и вообще многіе защищавшіе въ этомъ интересы Церкви. Если государство не стремится порвать связь съ религіей, то указанія Библии должны имѣть въ его глазахъ важное значеніе. Подъ вліяніемъ убѣжденій, въ той или иной степени связанныхъ съ этими указаніями Библии, русское государство, какъ мы видѣли, и немало частныхъ лицъ до сихъ поръ старались передать часть земель для служенія цѣлямъ церковнымъ. Перешедшія къ Церкви недвижимыя имущества и представляютъ изъ себя нѣчто подобное имуществамъ посвященнымъ Богу, о которыхъ говорить Библия. Это какъ бы тѣ поля, которыя Богъ повелѣлъ дать левитамъ для удовлетворенія ихъ житейскихъ потребностей и навсегда оставить въ ихъ владѣніи. Отобратъ церковныя земли на другія цѣли—это значило бы поступить какъ разъ вопреки указаніямъ Библии и долженствующаго быть со стороны государства религіознаго отношенія къ Церкви, что, какъ мы видѣли, оказались способными понять даже татарскіе ханы, властвовавшіе надъ древней Россіей.

Кто желаетъ изучить аграрный вопросъ, а еще тѣмъ болѣе считаетъ себя призваннымъ къ его разрѣшенію, тотъ долженъ затѣмъ хорошо уяснить себѣ и положеніе земельной церковной собственности, ея количество и отношеніе, въ какомъ она находится къ общему количеству земли и другихъ владѣній въ государствѣ. Данныя же эти, конечно, должны быть почерпаемы изъ какихъ-либо серьезныхъ и заслуживающихъ вниманія источниковъ, а не взяты на вѣру изъ брошюръ и газетъ, обыкновенно крайне односторонне и даже съ извращеніемъ фактовъ освѣщающихъ вопросы и уже успѣвшихъ вызвать невѣрныя представленія и по вопросу о монастырскихъ и церковныхъ земляхъ. Въ 1900 году издана работа Н. А. Любинецкаго, которая представляетъ сводъ статистическихъ данныхъ о землевладѣніи церковей и монастырей въ Россіи на основаніи свѣдѣній, имѣющихся въ Св. Синодѣ и относящихся къ 1890 году, и матеріаловъ Центрального Статистическаго Комитета. Заимствуя отсюда нужныя намъ свѣдѣнія, мы видимъ, что по даннымъ 1890 года церквамъ принадлежало въ Европейской Россіи земли пахатной около 1164273 десятины, луговой 234257 дес., лѣсной 195478 дес., нераздѣленной на угодыя 92550 дес., неудобной

143808 дес., а всего около 1686558 десятины. Въ то же время на Кавказѣ разнаго рода церковной земли значилось 72893 дес., изъ которыхъ 5539 дес. неудобной, а во всей Азіатской Россіи всего 104492 десятины и въ томъ числѣ 5019 дес. неудобной. Такимъ образомъ на всей территоріи Россіи церковную собственность составляли лишь 1863943 десятины земли, изъ которыхъ 154366 дес. приходится на долю неудобной. Владѣнія же монастырей оказываются еще значительно меньше. По даннымъ 1890 года, за ними состояло въ Европейской Россіи земли пахатной 122382 десятины, луговой 70601 дес., лѣсной 230670 дес., нераздѣленной на угодья 28308 дес., неудобной 69839 дес., а всего въ Европейской Россіи 451971 дес. На Кавказѣ монастырямъ принадлежало разнаго рода земли 24297 дес. и въ томъ числѣ 3829 дес. неудобной, и въ Азіатской Россіи 20040 дес., и въ томъ числѣ неудобной 2232 дес. Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ Россіи монастырской земли всего около 496308 дес., изъ которыхъ 75900 дес. неудобной. Соединяя церковныя и монастырскія земли вмѣстѣ, мы видимъ, что общее количество ихъ должно быть выражено 2360251 десятиной, изъ которыхъ 230266 дес. неудобныхъ ¹⁾.

Эти свѣдѣнія подтверждаются почти и сравненіемъ съ матеріаломъ, собраннымъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ о поземельной собственности церковей и монастырей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій ²⁾. Если цифра два милліона съ небольшимъ десятины годной для пользованія земли пожалуй кому-либо и можетъ показаться вообще большой, то лишь по отношенію къ территоріи какихъ нибудь другихъ европейскихъ государствъ, а отнюдь не Россіи. Напомнимъ себѣ, что по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ военно-ученымъ комитетомъ Главнаго Штаба въ 1874 году, Европейская Россія занимаетъ пространство въ 4844754, 6 квадратныхъ верствъ, и Азіатская—14520183, 3 кв. верствъ, а всего въ обонхъ частяхъ свѣта территорія Россіи составляетъ 18946496, 3 квадратныхъ верствъ или 21561 450, 6 квадратныхъ километровъ, изъ которыхъ на моря прихо-

¹⁾ Землевладѣніе церковей и монастырей Россійской имперіи. Н. А. Любинецкаго. Спб. 1900 г. Таблицы I, II и III.

²⁾ Тамъ же, Таблицы XIX и XX.

дится лишь очень незначительная часть ¹⁾. Переводя это пространство земли на десятины, мы получимъ нѣсколько менѣе двухъ миллиардовъ десятинъ. Оказывается, церковныхъ и монастырскихъ земель въ Россіи приблизительно около $\frac{1}{10}$ процента—ея поверхности, т. е. очень малое количество, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ наприм., въ Азійи оно уже настолько ничтожно, что о немъ едва-ли стоитъ и говорить. Если присоединить сюда цифру православнаго населенія Россіи, большое число церквей и духовенства, то количество принадлежащей Церкви и предназначенной для удовлетворенія всѣхъ ея потребностей земли должно представится не только не большимъ, но еще и не соответствующимъ всѣмъ этимъ условіямъ. Наконецъ посмотримъ, какое мѣсто занимаетъ церковная собственность по ея количеству среди другихъ главныхъ категорій поземельной собственности. Въ то время какъ церквамъ и монастырямъ принадлежитъ около 2360251 десятинъ, крестьянское землевладѣніе выражается, надѣльное въ количествѣ 98452000 десятинъ, а на правѣ личной собственности 5005000 дес. На долю же дворянскаго землевладѣнія приходится 73163700 дес., купеческаго 9794000 дес. и казеннаго 150410000 дес. ²⁾ Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи количество церковной недвижимой собственности въ Россіи крайне мало сравнительно съ другими ея видами. Поэтому указанія на необходимость отчужденія церковныхъ земель на ряду съ другими казенными и частно-владѣльческими основано или на простомъ незнаніи всѣхъ отмѣченныхъ здѣсь обстоятельствъ или же на скрытомъ стремленіи во что бы то ни стало лишить Церковь ея имущества. Если въ настоящее время можно говорить о передачѣ крестьянамъ земель казенныхъ и частно-владѣльческихъ, то ужъ никакъ не церковныхъ кромѣ всего другаго и по одному тому, что ихъ слишкомъ мало для такой страны какъ Россія. Переходъ этого небольшого количества земли къ крестьянамъ, считаеыхъ десятками милліоновъ, немного принесъ бы имъ матеріаль-

1) Исчисленіе поверхности Россійской имперіи въ общемъ ея составѣ въ царствованіе Императора Александра II. Н. Стрѣльбицкаго. Изданіе военно-ученаго Комитета Главнаго Штаба. Спб. 1874 г.

2) Н. А. Любинскій. Землевладѣніе церквей и монастырей. Таблица XXII.

ной пользы, а православной Церкви причинилъ бы большой ущербъ, который вредно отразился бы на духовныхъ интересахъ самихъ же крестьянъ. Недаромъ же русская народная мудрость, содержащая въ себѣ убѣжденія и опыты цѣлыхъ поколѣній, прямо утверждаетъ, что „церковное стяжанье—Божье“ и что „на Божье посягать—свое потерять“¹⁾. Не можетъ быть, чтобы и теперь русскій народъ пошелъ въ разрѣзъ съ этимъ своимъ общимъ голосомъ, еслибы его можно было спросить непосредственно. Вообще же въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо слѣдуетъ уяснить себѣ и помнить, что отнятіе у Церкви послѣднихъ земель составило бы для нея невознаградимую потерю. Напрасно нѣкоторые думаютъ, что потеря эта можетъ быть пополнена уплатой Церкви ея стоимости или еще тѣмъ болѣе назначеніемъ въ замѣнъ земли жалованья духовенству изъ государственнаго казначейства. Цѣнность земельной собственности церковей по даннымъ Центрального Статистическаго Комитета составляетъ около 116195000 руб., а доходность ея подъ земледѣльческими культурами около 9030000 руб., стоимость же монастырской земли около 26595000 руб. съ доходностью земли подъ земледѣльческими культурами въ 1207813 руб.²⁾ Такимъ образомъ, еслибы за церковныя земли была получена ихъ стоимость деньгами или всего скорѣе государственными процентными бумагами въ количествѣ 116195000 руб., то даже съ экономической стороны это было бы невыгодно для Церкви. Процентныя бумаги не могли бы приносить болѣе 4—5%, между тѣмъ какъ доходность церковной земли только отъ земледѣленія составляетъ около 8%. Самая доходность процентныхъ бумагъ со временемъ можетъ понижаться путемъ конверсіи, чего не особенно давно мы и были свидѣтелями.

Наконецъ значительнымъ колебаніемъ подвержена и самая стоимость процентныхъ бумагъ. Государственная 4% Рента на нашихъ глазахъ въ какіе-нибудь 3—4 года упала на 30% и капиталы Св. Синода находящіеся въ этихъ бумагахъ понизились теперь на $\frac{1}{3}$ часть ихъ прежней стоимости. Ме-

¹⁾ Пословицы русскаго народа. В. Даля. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей при Москов. Университетѣ 1861 г. кн. 2.

²⁾ Н. А. Любинецкій. Землевладѣніе церковей и монастырей. Таблицы XXIV, XXV и XXX.

жду тѣмъ земельная собственность можетъ представлять болѣе прочное средство матеріальнаго обезпеченія. Она вообще имѣетъ тенденцію увеличиваться въ цѣнности и возрастать въ доходности, при чемъ доходность эта во многомъ зависитъ отъ прилагаемаго къ земли труда и заключается не только въ возможности извлекать изъ земли денежную ренту, но и ренту натурой, которая иногда болѣе важна и выгодна. Со 116 195 000 рублей церковь далеко не могла бы получить въ видѣ денежнаго дохода всего того, что можетъ, дать ей владѣніе принадлежащей ей теперь земельной собственностью и что нужно ей для своихъ цѣлей. Еще менѣе въ интересахъ церкви была бы замѣна владѣнія землей назначеніемъ изъ государственнаго казначейства жалованья духовенству. Не говоря уже о томъ, что владѣніе недвижимостью нужно Церкви не только для содержанія духовенства, но и для другихъ цѣлей, которыя вовсе не могутъ быть достигнуты выдачей жалованья духовенству, вспомнимъ отмѣченное выше показаніе исторіи по этому вопросу. Установленные Екатериной II штаты содержанія духовенства въ какіе-нибудь 30—35 лѣтъ оказались уже не соответствующими своему назначенію вслѣдствіе происшедшаго въ теченіе этого времени общаго возвышенія цѣнъ и потребовали увеличенія. Хорошо, что Павелъ I нашелъ возможнымъ сдѣлать это. Но вѣдь состояніе государственнаго казначейства не всегда можетъ благоприятствовать этому, а настроеніе правительства и законодателя можетъ измѣняться и, судя по обстоятельствамъ нашего времени, едва-ли въ интересахъ Церкви. Кромѣ того сведеніе обезпеченія духовенства къ полученію жалованья поставитъ его въ большую зависимость отъ государства и будетъ способствовать обращенію его въ чиновниковъ. Для постоянной іерархіи необходимъ источникъ содержанія возможно самостоятельный и прочный, на которомъ возможно менѣе могли бы отражаться какъ случайность настроенія государственной власти, такъ и прихоть паствы. Иначе это можетъ вести къ униженію достоинства духовенства и мѣшать его служенію. Многіе представители русскаго духовенства, у которыхъ понятія политически „праваго“ и „лѣваго“ еще не омрачило пастырскаго сознанія и способность различать интересы Церкви и свои собственныя, какъ ея служителей, за послѣдніе годы не-

рѣдко высказывались на страницахъ разныхъ епархіальныхъ вѣдомостей по вопросу о церковныхъ земляхъ и иногда хорошо указывали на необходимость сохраненія ихъ за церквами. Голоса эти отнюдь нельзя игнорировать.

Такимъ образомъ проведеніе предстоящей аграрной реформы не должно сопровождаться отчужденіемъ земель принадлежащихъ церквамъ. Кромѣ того изъ дѣлъ Св. Синода усматривается, что есть церкви до сихъ поръ еще не надѣленные землей даже въ установленномъ законѣ количествѣ. Въ виду недостатка земель въ иныхъ губерніяхъ Россіи для надѣленія всѣмъ крестьянамъ многимъ изъ нихъ придется, очевидно, переселяться на новыя мѣста жительства вслѣдствіе чего должны быть выстроены новыя церкви и открыты новыя приходы. Во всѣхъ такихъ случаяхъ церкви съ недостающимъ количествомъ земли и вновь выстраиваемыя при распределеніи земель должны быть надѣляемы соответствующимъ количествомъ земли. Во всякомъ же случаѣ по вопросу объ отчужденіи церковныхъ недвижимыхъ имѣній, должна быть спрошена сама Церковь въ лицѣ ожидаемаго собора. Поступить иначе значило бы обнаружить явное неуваженіе къ Православной Церкви и вывести церковныя имущества въ разрядъ обыкновенныхъ. Полученіе согласія Церкви въ подобныхъ случаяхъ установлено даже въ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ въ европейскихъ государствахъ конституціяхъ, наприм. Саксонской Отдѣлъ VI § 60 и Баварской Отдѣлъ IV § 10 1). Поэтому очень странно вели себя иные священники попавшіе въ члены Государственной Думы. Они безъ всякаго уполномочія со стороны Церкви и, даже не считая нужнымъ выслушать ея голосъ, позволили себѣ дѣлать заявленія чуть ли не отъ имени духовенства и даже Церкви объ отобраніи отъ Церкви ея земель согласно желаніямъ добивающихся этого политическихъ партій. Если въ членахъ партій политика уже успѣла повредить способность широко и безъ предвзятой точки зрѣнія смотрѣть на вопросъ особенно же по дѣламъ касающимся Церкви, то священникамъ ужъ не слѣдовало бы забывать, что земли принадлежатъ Церкви, а не духовенству, и служатъ обще-

1) Современныя Конституціи, Сборникъ дѣйствительныхъ конституціонныхъ актовъ, т. I. Спб. 1905 г.

церковнымъ цѣлямъ. Поэтому не только священники, члены Государственной Думы, но и одно духовенство вообще не должно разрѣшать вопросъ объ отчужденіи церковной собственности. Мы уже знаемъ, къ чему повело это въ царствованіе Екатерины II. Въ то время намѣреніе государственной власти отобрать недвижимыя церковныя имѣнія одобрили нѣсколько высшихъ іерарховъ, при чемъ государство по недоразумѣнію приняло это, повидимому, за голосъ всей Церкви. Теперь нѣчто подобное повторяется, кажется, по отношенію къ священникамъ, членамъ Государственной Думы. Они какъ-будто упустили изъ виду, что выразителемъ сознанія и блага Церкви является соборъ, а никакъ не нѣсколько священниковъ, избранныхъ въ Думу даже не по церковнымъ основаніямъ и не съ церковными цѣлями. Въ-мѣсто разъясненія Думѣ о необходимости спросить по вопросу о церковныхъ имѣніяхъ Соборъ они сами начинаютъ вести себя такъ, какъ будто-бы имъ кто-то ввѣрилъ интересы Церкви. Думскія же партіи и политическіе дѣятели, конечно, готовы пользоваться въ своихъ цѣляхъ выгодными для нихъ дѣйствіями священниковъ и видѣть въ ихъ заявленіяхъ, какъ идущихъ отъ лицъ духовныхъ, чуть-ли не истинный голосъ Церкви. Нельзя также не пожалѣть, что замѣчаніе это приходится дѣлать относительно священниковъ, которые, повидимому, исполнѣ раздѣляютъ мысли о необходимости оживленія въ Русской Церкви соборнаго начала и жалуется на деспотизмъ епископовъ и подавленіе ими именно этого начала.

В.

Вопросъ объ отобраніи земель собственно у монастырей въ настоящее время осложняется еще тѣмъ, что для оправданія такой мѣры стараются подорвать право на самое ихъ существованіе. Монастыри совершенно излишни, ихъ слѣдуетъ позакрывать, все имущество монастырей нужно обратить на другое назначеніе, а земли ихъ передать крестьянамъ,—вотъ какіе разговоры часто приходится теперь слышать въ извѣстной части общества. Въ дополненіе къ этому въ литературѣ раздаются голоса, что монастыри виноваты еще чуть-ли не въ извращеніи христіанства, которое они будто бы свели къ аскетическому идеалу, оторванному отъ дѣйствительной человѣческой жизни съ ея общественными

потребностями и построенному не на ощущеніи радостей бытія, а на самоограниченіи и отрицаніи земной жизни. Раболѣпствующіе передъ духомъ времени публицисты подхватываютъ эти мысли и въ разныхъ газетныхъ статейкахъ и замѣткахъ выражаютъ недовольство уклоненіемъ монастырей отъ необходимой, по ихъ мнѣнію, общественной дѣятельности, и съ свойственнымъ имъ легкомысліемъ производятъ отрицательную оцѣнку такого великаго проявленія силы и мощи человѣческаго духа, какое представляетъ христіанскій аскетизмъ, да притомъ еще подъ яснымъ вліяніемъ побужденій политическихъ и представляющагося имъ несоотвѣтствія аскетизма съ программами тѣхъ или иныхъ партій. Одинъ изъ такихъ публицистовъ, захваченныхъ политикамствующей религіозностію, и почти идолопоклонническимъ стремленіемъ все оцѣнивать интересами текущаго политическаго момента недавно договорился, наприм. до того, что въ большинствѣ подвижниковъ, признаваемыхъ Церковью святыми, онъ, повидимому, усмотрѣлъ не красносотенниковъ, а черносотенниковъ, т. е. людей самыхъ правыхъ политическихъ партій, и отсюда пришелъ къ выводу, что Церковь не можетъ разсчитывать на привлеченіе къ себѣ современнаго общества и завязать связи съ культурой, пока не преобразуетъ своихъ взглядовъ. Вотъ между прочимъ хорошій примѣръ, что въ послѣднее время у немалаго числа людей въ Россіи многія понятія точно сдвинулись съ своихъ мѣстъ и перемѣшались въ головахъ. При такихъ условіяхъ я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ по поводу не только монастырскихъ земель, но и самихъ монастырей.

Изученіе исторіи монашества и сочиненій выдающихся его представителей приводитъ къ заключенію, что монашество вовсе не претендуетъ замѣнить собой принесенный христіанствомъ идеалъ жизни, а представляетъ лишь одинъ изъ способовъ его осуществленія ¹⁾, при чемъ вызывается онъ не отрица-

1) Вотъ какъ разсуждаетъ по этому вопросу одинъ изъ наиболѣе строгихъ представителей монашества: „Посты, бдѣнія, упражненія въ св. Писаніи, нищета, расточеніе всего имущества не составляютъ совершенства, но суть только средства къ совершенству, такъ какъ не въ нихъ состоитъ цѣль жизни монашеской, но посредствомъ ихъ достигается цѣль. Напрасно будетъ упражняться въ нихъ тотъ, кто довольствуясь ими какъ высшимъ благомъ, вниманіе своего сердца будетъ привязы-

ніемъ земной жизни, а обычными ея нормальными условіями, которыя слишкомъ проникнуты грѣховностью. Грѣховность эта, какъ показываетъ даже самое поверхностное самонаблюденіе, дѣйствуетъ въ каждомъ изъ насъ (Гал. V, 17. Рим. VII, 15—24). Она такъ и высматриваетъ изъ большинства учрежденій и порядковъ частной и общественной жизни. Грѣховность является препятствіемъ на пути христіанской жизни, и съ ней не возможны компромисы, а нужна извѣстная борьба при помощи христіанства. Одинъ изъ главныхъ моментовъ этой борьбы составляетъ стремленіе культивировать лучшія стороны человѣческой природы и подавлять грѣховныя. Между тѣмъ окружающая жизнь обыкновенно дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ. И вотъ у людей, одушевленныхъ желаніемъ слѣдовать христіанству и сознающихъ невозможность измѣнить окружающія условія и ихъ вредное на себѣ вліяніе, естественна потребность стараться устраивать инныя формы и порядки жизни, которыя не только не давали бы пищу для развитія гнѣздящихся въ насъ страстей, но и были бы рассчитаны на ихъ искорененіе. Монашество отрицаетъ не земную жизнь въ ея нормальномъ видѣ, принесенномъ христіанствомъ, а земную жизнь въ ея грѣховныхъ формахъ и направленіяхъ. Напомнимъ себѣ идущее изъ глубины вѣковъ замѣчаніе по этому поводу св. Іоанна Златоуста, хорошо знавшаго монашескую и общественную жизнь своего времени: „Хотѣлъ бы и я, говорить онъ лицамъ настроеннымъ враждебно противъ монашеской жизни, не меньше, а гораздо

вать только къ нимъ и ревность къ добродѣтели не будетъ простираться, къ достиженію цѣли, для которой только ихъ нужно и желать. Это значило бы имѣть орудія для искусства и не звать его цѣли, въ которой состоитъ весь плодъ... Не столько приобрѣтенія отъ поста, сколько потери отъ гнѣва и не столько получается плода отъ чтенія, сколько вреда отъ презрѣнія брата. Итакъ, посты, бдѣнія, отшельничество, размышленія о св. Писаніи нужны для главной цѣли, т. е. чистоты сердца, которая есть любовь. Изъ за нихъ не должно нарушать эту главную добродѣтель, при цѣломъ невредимомъ сохраненіи которой у насъ не будетъ никакого недостатка, еслибы по необходимости и было опущено что-либо изъ сказанныхъ подвиговъ, (поста, бдѣнія и проч.). Также не будетъ пользы все то исполнить, если не будетъ у насъ главной добродѣтели (любви), для которой все то и должно быть совершаемо. (Писанія преп. Іоанна Кассіана Римлянина. Собесѣдованіе I о цѣли монаха, глава VII Москва 1877 г.).

больше васъ, и часто молили, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ и такой бы насталь добрый порядокъ въ городахъ, чтобы никому никогда не нужно было убѣгать въ пустыню. Но такъ какъ все пошло вверхъ дномъ, и города, гдѣ судилища и законы полны великаго беззаконія и неправды, а пустыня пронзращаетъ обильный плодъ Любомудрія, то справедливость требуетъ, чтобы вы винили не тѣхъ, которые желающихъ спастись исторгаютъ изъ этой бури и волненія и руководятъ къ тихой пристани, но тѣхъ, которые каждый городъ дѣлаютъ столь недоступнымъ и непригоднымъ для Любомудрія, что желающіе спастись принуждены бывають убѣгать въ пустыни ¹⁾. Монахи, по разъясненію св. Іоанна Златоуста, стремятся исполнять тѣ же обязанности, которыя установлены и для каждаго христіанина, и всѣ они отвѣтственны за ихъ неисполненіе. Ты очень заблуждаешься и обманываешься, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, если думаешь, что иное требуется отъ мірянина, а другое отъ монаха. Различіе между ними въ томъ, что одинъ вступаетъ въ бракъ, а другой нѣтъ, во всемъ же прочемъ они подлежатъ одинаковой отвѣтственности. Всѣмъ людямъ должно восходить на одну и ту же высоту. Мы привлекаемъ въ монастыри, чтобы люди избѣгали грѣха и любили добродѣтель. „Если бы кто, замѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, представилъ надежное ручательство, что дѣти при воспитаніи въ городѣ пріобрѣтутъ добродѣтель, я не вывелъ бы въ пустыню пріобрѣвшихъ такое искусство, напротивъ тогда особенно и посовѣтовалъ бы имъ оставаться въ городѣ и не похвалилъ бы тѣхъ, которые стали бы склонять ихъ къ бѣгству, но отнесся бы къ нимъ какъ къ врагамъ общественной жизни, такъ какъ, срывая свѣтильники и унося свѣтила изъ города въ пустыню, они лишили бы живущихъ тамъ величайшихъ благъ. Но дѣти прежде краснорѣчія научаются порокамъ и теряютъ силу души и все доброе расположеніе ²⁾. Вообще для правильнаго понятія о монастырской жизни нужно выслушивать тѣхъ, кто является ея истинными представителями, а не руководствоваться одними ходячими и обыкно-

1) Къ враждующимъ противъ привлекающихъ къ монашеской жизни Слово I. Полное собраніе твореній св. Іоанна Златоустаго, т. I кн. I изданіе Петербургской духовной академіи. Спб. 1898 г.

2) Тамъ же, Слово III. Къ вѣрующему отцу.

венно очень поверхностными сужденіями по этому вопросу. Развѣ можно, напр., утверждать, что монашеская жизнь, разъясняемая однимъ изъ ея первыхъ устроителей св. Василіемъ Великимъ, есть отрицаніе земной жизни? То общеніе жизни называю совершеннѣйшимъ, говоритъ св. Василій Великій по поводу монашескаго общежитія, изъ котораго исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположеній, въ которомъ съ корнемъ истреблены всякое смятеніе, споры и ссоры, все же общее и души и расположенія и тѣлесныя силы и, что нужно къ питанію тѣла и на служеніе ему, въ которомъ одинъ общій Богъ, одна общая купля благочестія, общее спасеніе, общіе подвиги, общіе труды, общіе вѣнцы, въ которомъ многіе составляютъ одно и одинъ не единствененъ, но во многихъ. Что равняется сему житію? Что совершеннѣе такой близости и такого единенія? Что пріятнѣе этого сліянія нравовъ и душъ? Люди, подвигшіеся изъ разныхъ племенъ и странъ, привели себя въ такое совершенное тождество, что во многихъ тѣлахъ видится одна душа и многія тѣла оказываются орудіями одной воли. Немощной тѣломъ имѣеть у себя многихъ состраждущихъ ему расположеніемъ; больной и упадающій душой имѣеть у себя многихъ врачующихъ и восстанавливающихъ его ¹⁾. Подобные же взгляды съ свойственной ему силой и яркостью мысли выражаетъ и св. Іоаннъ Златоустъ ²⁾. Вѣдь даже мечтающіе теперь объ устроеніи именно земной жизни по идеямъ равенства и братства, хотя и оторванные отъ связи съ пониманіемъ дѣйствительнаго состоянія чело-вѣческой природы и въ противорѣчіе этимъ идеямъ допускающіе насильственные способы ихъ осуществленія, и тѣ—едва-ли не признали бы желательной описываемую здѣсь жизнь, но конечно, помимо ея религіозной основы. Кромѣ того въ исторіи жизни того или другаго подвижника нерѣдко попадаются указанія, что монашество далеко не отвергаетъ возможность спасенія и въ обыкновенной жизни и не сводитъ христіанство къ одному аскетическому идеалу. О св. Антоніи, который какъ извѣстно проводилъ одинъ

¹⁾ Творенія св. Василія Великаго. Часть V Подвижническіе уставы. глава XVIII Москва 1858 г.

²⁾ Бесѣды на Евангелиста Маттея: 68, 69, 70, 72 и Слова къ враждующимъ противъ привлекающихъ къ монашеской жизни.

изъ наиболѣе аскетическихъ образовъ жизни, замѣчено, что несмотря на его подвиги Антоній еще не достигъ духовнаго состоянія одного башмачника въ Александріи, который, живя по христіански, считалъ себя ниже всѣхъ ¹⁾. Въ другой разъ Антоній узналъ, что ему равенъ одинъ врачъ въ городѣ, отдающій избытки свои нуждающимся и ежедневно молящійся съ ангелами ²⁾. Относительно св. Пафнутія передаютъ, что подобными ему по духовному состоянію были признаны разные лица, живущіе въ міру. Одинъ христіанинъ флейтщикъ въ городѣ, который однажды защитилъ отъ разбойниковъ дѣвицу и выкупилъ семейство попавшее въ тяжелое рабство за долги. Одинъ купецъ христіанинъ въ Александріи, который всю прибыль отъ торговли издерживалъ на бѣдныхъ и монаховъ, и старшина христіанинъ одного селенія, который принималъ странниковъ, помогалъ бѣднымъ, никого не обижалъ и воспитывалъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ. При описаніи же жизни св. Макарія Великаго мы встрѣчаемъ замѣчаніе, что по духовному совершенству онъ былъ объявленъ ниже двухъ женщинъ, бывшихъ замужемъ за родными братьями ³⁾. Подобно этому два старца—подвижника узнали, что они еще не достигли степени совершенства жителя одного селенія Евхариста и жены его Маріи ⁴⁾. Гдѣ же во всемъ этомъ столь усердно навязываемое теперь монашеству отрицаніе земной жизни? Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что монашество, какъ свидѣтельствуемъ его исторія, обнаруживало и большое общественное значеніе, чего не могло бы быть, если бы оно не имѣло основаній въ условіяхъ дѣйствительной жизни и даннаго состоянія человѣческой природы. Уже одинъ фактъ стремленія осуществлять на землѣ христіанскую жизнь и создать для этого иную внѣшнюю обстановку, доступную зрѣнію каждаго и приглашающую къ себѣ всѣхъ желающихъ, оказался способнымъ сильно вліять на людей и приобрѣлъ важное церковное и общественное значеніе.

¹⁾ Писанія св. Антонія Великаго. Москва 1883 г. стр. 118.

²⁾ Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ св. отцовъ. Москва 1845 г. № 24 стр. 9.

³⁾ Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ. Проф. П. Казанскаго. Прибавленіе къ творенію св. отцовъ, 1871 г. № 4, стр. 157.

⁴⁾ Достопамятныя сказанія, стр. 74.

На почвѣ именно монашескаго образа жизни появились столь великіе въ нравственно-духовномъ отношеніи личности, которые ясно свидѣтельствовали о его важномъ значеніи для человечества и которые не только для своихъ современниковъ, но и для насъ, отдѣляемыхъ отъ нихъ цѣлыми вѣками, служатъ нравственно духовными возбудителями къ высшей духовной жизни и ея наставниками. Я уже не говорю здѣсь объ оставленныхъ ими сочиненіяхъ, въ которыхъ они говорятъ, какъ люди по собственному опыту и наблюденію надъ другими глубоко проникшіе въ человѣческую природу. Они раскрываютъ въ ней передъ нами великія красоты и показываютъ такія черты, какіе обыкновенно скрыты отъ насъ подъ слоемъ разныхъ другихъ впечатлѣній и настроеній. Сочиненія ихъ—это психологія человѣческой души на высшихъ ступеняхъ ея духовнаго развитія, и по нимъ мы можемъ узнавать ея важныя свойства и природу.

Примѣры жизни св. Антонія и св. Пахомія, учредителя монашескаго общежитія, нашли большой откликъ въ тогдшнемъ обществѣ. Въ пустыняхъ Египта, по замѣчанію историковъ, было почти столько же иноковъ, сколько народу въ городахъ 1). Мало-по-малу къ монахамъ, особенно въ лицѣ ихъ высшихъ представителей, начали приходить и люди, оставшіеся жить въ міру. Они убѣдились на опытѣ, что монахи, упрекаемые въ отрицаніи земной жизни, могутъ однако удовлетворять разнымъ ихъ насущнымъ нуждамъ. Мірскіе люди шли къ нимъ за совѣтомъ, молитвою, наставленіемъ, утѣшеніемъ и даже матеріальною помощію, и уходили отъ нихъ, кто съ проясненнымъ сознаніемъ, кто укрѣпленнымъ духомъ, а кто получившимъ и пособіе. Обыкновенно монахи занимались рукодѣліемъ, иногда огородничествомъ и садоводствомъ, часто во время жатвы нанимались у землевладельцевъ жать хлѣбъ и получали плату хлѣбомъ. Руфинъ, напр., прямо утверждаетъ, что обычай наниматься на работу во время жатвы былъ распространенъ вообще между всѣми египетскими иноками 2). Все это и давало имъ возможность кормиться трудами рукъ своихъ и оказывать матеріальную

1) Тамъ же.

2) Жизнь пустынныхъ отцовъ. Глава XVIII. Переводъ съ латинскаго свящ. М. Хитрова Сер. Пос. 1898 г.

помощь нуждающимся и заключеннымъ въ темницахъ. О вліяніи, напр., св. Антонія св. Афанасіѣ Великіѣ замѣчаетъ: „Кто, если приходилъ къ нему печальнымъ, возвращался отъ него не радующимся? Кто, если приходилъ къ нему проливающимъ слезы объ умершихъ, не оставлялъ тотчасъ своего плача? Кто, если приходилъ гнѣвнымъ, не перемѣнялъ гнѣва на кротость? Какой нищій, пришедшій къ нему въ уныніи, послушавъ его и посмотря на него, не начиналъ презирать богатство и не утѣшался въ нищетѣ своей“ 1). Св. Іоаннъ Златоустъ, разясняя съ своей стороны значеніе монастырей, обращаетъ вниманіе, что бѣдники уходятъ отъ туда съ утѣшеніемъ въ своей бѣдности, богатые возвращаются лучшими и съ здоровыми понятіями о вещахъ, облеченные саномъ теряютъ тамъ свою обычную надменность 2). Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ также, что по указанію монаховъ люди готовы были тратить большіе суммы на дѣла благотворенія 3). Извѣстно, что даже римскіе императоры, привыкшіе, чтобы передъ ними все трепетало, вступали въ переписку и бесѣды съ подвижниками, иногда спрашивали ихъ совѣта и вообще въ отношеніяхъ съ ними какъ бы разоблачались отъ своего величества и начинали чувствовать, что и они грѣшныя люди, подлежащіе нравственной отвѣтственности. Въ глазахъ многихъ жизнь подвижниковъ производитъ впечатлѣніе и обнаруживаетъ ихъ величіе тѣмъ, что они—не рабы ни духа времени, ни народа, ни общепринятаго строя жизни, ни общественнаго мнѣнія, столь обезличивающихъ и подавляющихъ большинство человѣчества, а напротивъ обладаютъ безграничною энергіей и сплю духа—стать внѣ среды, чтобы тѣмъ глубже воздѣйствовать на ту же среду 4). Монашеская жизнь вызывала уваженіе даже со стороны язычниковъ, и они посѣщали монастыри, чтобы посмотрѣть и поговорить съ ихъ подвижниками. Какое значеніе въ глазахъ людей получили монастыри, хорошо

1) Жизнь преп. Антонія, описанная св. Афанасіемъ въ посланіи къ Івокамъ, пребывающимъ въ чужихъ странахъ. Творенія св. Афанасія Александрійскаго. Часть III. Москва 1853 г. стр. 278.

2) Бесѣды на Евангелиста Матвея. Ч. III. Бесѣда 69.

3) Слова къ враждующимъ противъ монашеской жизни. Слово II.

4) Предисловіе свящ. М. Хитрова къ переводу сочиненія Руфина: Жизнь пустынныхъ отцовъ.

показываетъ императоръ Юліанъ Отступникъ. При своей борьбѣ съ христіанствомъ въ противовѣсъ ему онъ намѣревался, кромѣ домовъ для странниковъ и убогихъ устроить и языческіе мужскіе и женскіе монастыри ¹⁾.

Столкновеніе съ иной обстановкой жизни, напоминающей о высшихъ ея задачахъ, въ которой не имѣютъ значенія обыкновенныя земныя различія, богатство и бѣдность, знатность и незначительность положенія, гдѣ все разчитано на высшія цѣли, очевидно, само по себѣ способно производить впечатлѣніе на человѣка и пробуждать въ его душѣ какіе-то интересы, обыкновенно подавляемые въ сутолокѣ окружающей жизни. Монашескій идеаль не препятствовалъ занятію и такими важными дѣлами, какъ воспитаніе и обученіе дѣтей. По свидѣтельству св. Василія Великаго, монахи принимали къ себѣ дѣтей, у которыхъ нѣтъ родителей, чтобы по примѣру Іова (Іова XXIX, 12) быть отцами сиротъ ²⁾. На эту сторону монашеской жизни, какъ извѣстно обращалъ вниманіе и св. Пахомій Великій. Онъ сравниваетъ дѣтей съ землей, которая приноситъ или благіе плоды, если ее воздѣлывать съ заботливостью, или терніе, если оставляютъ невоздѣланною и безъ надзора, хотя бы и брошены были въ нее сѣмена добрыя. „Поэтому мы, говорилъ св. Пахомій монахамъ, должны имѣть особенное попеченіе о дѣтяхъ, какъ повелѣлъ намъ Господь; тогда можемъ надѣяться, что онъ будетъ милостивъ и къ нашимъ душамъ ³⁾).

Св. Василій Великій составилъ даже правила о содержаніи при монастыряхъ дѣтей, которыхъ обучали тамъ и разнымъ искусствамъ и ремесламъ. ⁴⁾ Какъ въ Египтѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ при монастыряхъ были училища. Основателемъ и первымъ наставникомъ Эдесскаго училища былъ, наприм., извѣстный св. Ефремъ Спринтъ. До насъ дошли свѣдѣнія объ училищѣ при монастырѣ св. Саввы Освященнаго,

¹⁾ Созоменъ. Церковная исторія, кн. V, гл. 16. Спб. 1831 г. и св. Григорій Богословъ. Первое обличительное слово на царя Юліана. Творенія св. Григорія Богослова, часть I, слово 4, Москва 1889 г.

²⁾ Правила пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ. Вопросъ 15. Творенія св. Василія Великаго, ч. V Москва 1858 г.

³⁾ Исторія православнаго монашества на востокѣ. Проф. Петра Казанскаго ч. I, Москва 1854 г. стр. 164.

⁴⁾ Правила пространно изложенныя. Вопросъ 15.

при монастырѣ Студійскомъ и друг. По вопросу о значеніи монастырскаго обученія св. Іоаннь Златоустъ сообщаетъ, что изъ монастырскихъ училищъ выходило столь же мало дурныхъ воспитанниковъ, сколь много изъ училищъ мірскихъ. Обращая вниманіе на извращеніе въ окружающемъ обществѣ понятій добра и зла, св. Іоаннь Златоустъ совѣтоваль родителямъ отдавать дѣтей на воспитаніе въ монастыри и оставлять ихъ тамъ, пока въ нихъ укоренятся сѣмена благочестія, они окрѣпнутъ духомъ и сдѣлаются способны различать добро и зло. Кромѣ того при монастыряхъ существовали особые дома для приѣма странниковъ, въ которыхъ прибывшіе могли по долгу проживать на средства монастыря и которые по тогдашнему времени составляли большое благодѣяніе ¹⁾. При монастыряхъ устраивались также богадѣльни и больницы, что, наприм., видно изъ житій преп. Феодосія, Пларіона, Никиты Исповѣдника и друг. По словамъ Палладія, автора Лавсаика, пресвитеръ Серапіонъ, настоятель многихъ монастырей и игумень братства числомъ до десяти тысячъ, черезъ братію собираль множество хозяйственныхъ припасовъ. Во время жатвы всѣ они приносили къ нему плоды, которые получали вмѣсто платы за уборку полей у сосѣднихъ владѣльцевъ. И все это Серапіонъ употребляль на вспомошествованіе бѣднымъ, такъ что никто не терпѣль нужды въ окрестности: хлѣбъ отсылали бѣднымъ даже въ Александрію. „И другіе отцы, прибавляетъ Палладій, жившіе по Египту отъ трудовъ братіи посылали бѣднымъ въ Александрію корабли, наполненные хлѣбомъ и одеждою... ²⁾ Нельзя не указать также на дѣятельность св. Ефрема Сиріанина. Во время голода въ странѣ, гдѣ была Эдесса, св. Ефремъ вышелъ изъ своей кельи, побудилъ богатыхъ людей придти на помощь бѣднымъ; на полученныя отъ нихъ деньги устроилъ дома съ разными отдѣленіями, поставилъ въ нихъ до 300 кроватей, заботился о больныхъ, кормилъ голодныхъ, погребаль умиравшихъ. По окончаніи же голода онъ возвратился въ свою келью ³⁾.

¹⁾ Лавсаикъ. Палладія, епископа Еленопольскаго, § 7, стр. 28; Переводъ съ греческаго. Спб. 1873 г.

²⁾ Тамъ же, § 67, стр. 266 и Жизнь пустынныхъ отцовъ. Руфина глава XVIII.

³⁾ Лавсаикъ § 86, стр. 310—311.

Наконецъ вспомнимъ объ участіи монаховъ въ дѣлѣ распространенія христіанства и поддержанія его правильнаго ученія. Св. Антоній Великій, наприм., услыша о гоненіи и мученіяхъ христіанъ, оставилъ пустыню. Онъ отправился стать во главѣ ихъ и подкрѣплять въ вѣрѣ. По словамъ біографа св. Антонія, во время непродолжительнаго пребыванія въ Александріи Антоній обратилъ ко Христу столько людей, сколько въ другое время обращали въ теченіе года. Немалая роль принадлежала монахамъ въ борьбѣ съ арианствомъ. Народъ слѣдовалъ преимущественно за ними и ариане очень старались привлечь на свою сторону монаховъ, не останавливаясь для этого передъ угрозами и насиліями¹⁾. Какъ ярко выступаетъ дѣятельность представителей аскетическаго идеала, полная силы и твердости духа, въ эпоху иконоборческихъ смуть, наприм., въ лицѣ св. Іоанна Дамаскина, св. Теодора Студита и друг.! Кому не извѣстна ихъ миссіонерская дѣятельность, наприм., въ лицѣ св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ?—Вотъ что свидѣтельствуется о монашествѣ его исторія, которая естественно входитъ какъ составная часть и въ исторію Православной Церкви. „Какъ непонятна была бы исторія Церкви въ первые три вѣка христіанства, замѣчаетъ проф. П. Казанскій, безъ исторіи мученичества, такъ непонятна была бы исторія послѣдующихъ вѣковъ безъ исторіи монашества²⁾. Вообще монашество много послужило Церкви, и развѣ оно не обнаружило великой христіанской общественной дѣятельности и высшихъ заботъ о людяхъ? Не представляетъ-ли фактъ возникновенія монашества и фактъ его значенія ясное доказательство необходимости для нашей природы, въ ея теперешнемъ состояніи, извѣстной степени аскетизма въ дѣлѣ осуществленія христіанской жизни. Не забудемъ, что вѣдь и передъ пришествіемъ въ міръ Христа предтечею Его явился св. Іоаннъ Креститель, суровый аскетъ и отшельникъ, который и подготовлялъ сознаніе и сердца людей къ принятію Спасителя. Фактъ этотъ очень знаменателенъ по вопросу объ аскетизмѣ. Очевидно, обыкновеннымъ людямъ гораздо

1) Созоменъ. Церковная исторія, кн. VI, глава 20, и Сократъ. Церковная исторія кн. IV, гл. 24. Спб. 1850 г.; Письма св. Василя Великаго къ монахамъ, №№ 248 и 249. Творенія, часть VII, Москва 1854 г.

2) Исторія православнаго монашества на востокѣ, часть I, стр. 23.

легче было послѣдовать Христу, послѣ того какъ ихъ вниманіе было привлечено св. Іоанномъ Предтечей, представшимъ яркій образъ самоотреченія въ цѣляхъ высшей жизни и призывавшимъ ихъ къ покаянію. Аскетическому идеалу въ лицѣ св. Іоанна Крестителя должно было подготовить человѣческую природу и какъ бы расчистить въ ней путь для міроваго идеала Спасителя. Не ясное-ли это указаніе и по отношенію къ нашей жизни, что въ ней должна быть извѣстная доля аскетизма, т. е. борьба съ своею грѣховностью, для положительнаго развитія въ насъ христіанской жизни! Если св. Іоаннъ заявилъ, что онъ не достоинъ развязать ремень на обуви Спасителя, то намъ нѣчто подобное придется высказать о себѣ по отношенію къ самому Іоанну Крестителю и многимъ великимъ христіанскимъ подвижникамъ. Къ этимъ лицамъ также справедливо относятъ замѣчаніе апостола: тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли (Евр. XXI, 38).

При такихъ условіяхъ по отношенію къ современнымъ стремленіямъ унизить монашество во имя восстановленія чистоты христіанскаго идеала естественно можетъ закрадываться подозрѣніе, да не извращаютъ-ли они сами христіанскій путь жизни. Эти подозрѣнія еще болѣе усиливаются, когда мы обратимъ вниманіе на игнорированіе при этомъ вопроса о грѣхѣ и упреки монашеству за его склонность предпочитать печаль, окружать себя преимущественно ея символами и отвергать радости жизни.

Голоса, порицающіе такимъ образомъ монашество, часто кромѣ того сливаются съ другими, которые поучаютъ современное общество приблизительно такъ: берегите человѣческую природу, какъ она есть и давайте просторъ свойственнымъ ей влеченіямъ. Иначе вы будете только портить свою природу и насиловать ея стремленія. Не имѣя возможности разбирать здѣсь подобныя возраженія противъ монашества и значеніе ихъ передъ судомъ христіанства, замѣчу лишь, что они очень напоминаютъ то, что высказывали о монашествѣ еще язычники подъ очевиднымъ вліяніемъ языческаго взгляда на жизнь, какъ на погоню за удовольствіями и какъ на какой-то вѣчный праздникъ. Іиваній, наприм., въ своей рѣчи въ защиту языческихъ храмовъ, для опроверженія зна-

ченія монашества указывалъ, что оно усматриваетъ добродѣтель въ печали и ношеніи траурныхъ одеждъ. Жизнь, посвященная покаянію и внѣ обычныхъ удовольствій, къ которымъ столь часто примѣшивается вліяніе грѣха, казалась язычникамъ глупостью. Между тѣмъ христіанство въ условіяхъ теперешней жизни вслѣдствіе присутствія въ ней грѣха требуетъ покаянія, которое содержитъ въ себѣ моментъ печали. Оно признаетъ блаженными плачущихъ, а не смѣющихся... (Мате. V, 4; Лук. V, 21, и 25)¹⁾. Только черезъ христіанскую печаль, какъ хорошо показываетъ и жизнь подвижниковъ, человѣкъ доходитъ и до переживанія настоящихъ радостей бытія²⁾. Къ этому, конечно, стремятся и современные отрицатели идеи монашества, но по ошибкѣ и духовной неопытности готовы принимать вмѣсто нихъ просто удовольствія, соединенныя съ забвеніемъ христіанскаго смысла жизни, обыкновенно повергающія человѣка въ пучину рабства и безволія. По поводу ходячихъ въ обществѣ мнѣній о монашествѣ нерѣдко прямо припоминается замѣчаніе Московскаго митрополита Филарета въ одномъ изъ его словъ въ день памяти преп. Сергія: „Гордость міра не позволяетъ ему признаться, что онъ оставленъ (лицами подобными св. Сергію) какъ недостойный, и потому онъ старается увѣрить

¹⁾ Ср. Мте. V, 10 и 11; Лук. XXIV, 26; Двян. XIV, 22; 2 Корин. VII, 8—11.

²⁾ Представители аскетическаго идеала также говорятъ о радости и считаютъ даже необходимымъ присутствіе ея въ душѣ. И разъясненію, наприм., св. Антонія Великаго, человѣкъ по очищеніи своей души отъ эгоистическихъ страстей получаетъ радость Господню, которая пребываетъ съ нимъ день и ночь, оживляетъ его разумъ и питаетъ его. Этою радостью возрастаетъ душа и является годною на все или совершенною и ею восходитъ на небо. Въ присутствіи этой радости человѣкъ становится неутомимымъ, не гнѣвается при людскихъ напрасливахъ и не боится никого, ни человѣка, ни звѣря, ни духа (Писанія св. Антонія Великаго. Наставленія § 53. Москва 1883 г.). Самый процессъ монашеской жизни вовсе не долженъ сопровождаться какимъ то тягостнымъ или подавленнымъ состояніемъ духа, какъ хотятъ представить его нѣкоторые, враждебно настроенные противъ монашества и, повидимому, невѣрно его понимающіе. По свидѣтельству св. Іоанна Кассіана, очень строгіе подвижники утверждаютъ: „Воздержаніе поста не утруждаетъ насъ, трудъ бдѣнія насъ услаждаетъ, чтеніе и испытаніе писаній производится съ охотой, трудность работъ, послушаніе, нестяжательность, лишеніе всѣхъ земныхъ вещей и сіе пребываніе въ пустынь совершается съ пріятностью. (Писанія св. Іоанна Кассіана. Собесѣдованіе I о цѣли монаха гл. II).

тѣхъ, которые легковѣрно его слушаютъ, что онъ самъ какъ ни къ чему не способныхъ отвергаетъ тѣхъ, кто оставляетъ его, или что они, оставляя его добровольно, оставляютъ безразсудно. Но истина и опытъ говорятъ вопреки ему, что не столько онъ ихъ отвергаетъ, сколько они оставляютъ его, и что онъ безразсуденъ и несправедливъ, поскольку отвергаетъ ихъ, а не они поскольку удаляются отъ него“ 1).

Переходя къ монастырямъ собственно въ Россіи, мы наталкиваемся на единственное во всемірной исторіи государствъ явленіе. Монастыри и истинные представители аскетическаго идеала принимаютъ широкое участіе въ самомъ строеніи русскаго государства и общественной жизни русскаго народа. Извѣстно, что уже въ первые вѣка послѣ принятія христіанства религіозное усердіе въ Россіи между прочимъ обнаруживалось въ учрежденіи монастырей. Въ эпоху татарскаго господства, когда угрожала опасность самому существованію Россіи и русскій народъ легко могъ быть поглощенъ монголами, монастыри оказывали противъ этого великую помощь. Они получали отъ татарскихъ хановъ особые ярлыки, которыми они охранялись отъ всякихъ притѣсненій, не исключая и татарскихъ чиновниковъ. При такихъ условіяхъ монастыри могли дѣлать многое, что было почти невозможно для другихъ, и они широко пользовались своими правами, способствуя этимъ и благу самаго государства. Во многомъ благодаря особому положенію монастырей могла происходить разработка новыхъ земель, поддержаніе судоходства,—торговли и т. д., а главное монастыри поддерживали въ народѣ терпѣніе и надежду на избавленіе, пробуждали въ немъ христіанское самосознаніе, не допускавшее окончательнаго порабощенія народа. Въ XIV вѣкѣ, по разъясненію нашего историка, профессора В. О. Ключевскаго, на сѣверъ и сѣверовостокъ за Волгой лежалъ глухой непроходимый край, кое-гдѣ занятый дикарями фивами. Русскому крестьянину съ семьей и бѣдными пожитками страшно было пуститься въ эти бездорожныя дебри. Но монахъ-пустынникъ пошелъ туда смѣлымъ развѣдчикомъ. Огромное большинство новыхъ монастырей съ половины XIV

1) Сочиненія Филарета, митрополита московскаго, т. II, Москва 1874 г. Слово 5 Юля 1822 г. стр. 120.

до конца XV вѣка возникло среди лѣсовъ костромскаго, ярославскаго и вологодскаго края. „Старинные памятники исторіи русской Церкви рассказываютъ, сколько силы духа проявлено было русскимъ монашествомъ въ этомъ мирномъ завоеваніи финскаго языческаго заволжья для христіанской Церкви и русской народности. Многочисленные лѣсные монастыри становились здѣсь опорными пунктами крестьянской колонизаціи: монастырь служилъ для переселенца-хлѣбопашца и хозяйственнымъ руководителемъ и ссудной кассой и приходской церковью и, наконецъ, пріютомъ подъ старость. Вокругъ монастырей осѣдало бродячее населеніе, какъ корнями деревьяевъ сдѣпляется зыбучая песчаная почва. Ради спасенія души монахъ бѣжалъ изъ міра въ заволжскій лѣсъ, а мірянинъ цѣплялся за него и съ его помощью заводилъ въ этомъ лѣсу новый русскій міръ. Такъ создавалась верхне-волжская Великороссія дружными усиліями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, какой вдохнулъ въ русское общество преподобный Сергій“. Даже факты самого освобожденія отъ татарскаго ига и возможности образованія прочнаго, независимаго русскаго государства проф. Ключевскій ставитъ въ неперемѣнную связь съ тихой дѣятельностью преп. Сергія въ его Радонежской пустыни, который своимъ вліяніемъ поднялъ нравственно-духовныя силы русскаго народа, приниженныя вѣковымъ порабощеніемъ и уныніемъ, и вдохнулъ въ народъ чувства нравственной бодрости и духовной крѣпости. „При имени преп. Сергія, говоритъ онъ въ своей замѣчательной рѣчи 26 сентября 1892 года, народъ вспоминаетъ свое нравственное возрожденіе, сдѣлавшее возможнымъ и возрожденіе политическое, и затверживаетъ правило, что политическая крѣпость прочна только тогда, когда держится на силѣ нравственной. Это возраженіе и это правило—самые драгоценныя вклады преп. Сергія, не архивныя или теоретическіе, а положенныя въ живую душу народа, въ его нравственное содержаніе“ 1). Вообще достиженіе самостоятель-

1) Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства. Рѣчь проф. В. О. Ключевскаго въ торжественномъ собраніи Московской духовной Академіи 26 Сентября 1892 г. Богословскій Вѣстникъ, 1892 г. № 11, Ноябрь. Она издана и отдѣльно Троицкой Сергіевой Лаврой подъ заглавіемъ: „Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа“.

наго политическаго существованія русскаго народа произошло вслѣдствіе сосредоточенія его матеріальныхъ и политическихъ силъ у московскихъ князей и приобщенія восточно-европейскихъ и азіатскихъ инородцевъ къ Русской Церкви и народности посредствомъ христіанской проповѣди. Во всемъ этомъ, по свидѣтельству проф. Ключевского, великая роль принадлежала тремъ лицамъ, св. Алексію митрополиту Московскому, св. Стефану Пермскому, и св. Сергію Радонежскому. Каждый изъ нихъ подвизался на своемъ поприщѣ и совершалъ принятое имъ на себя дѣло. Но духовная дѣятельность иная, чѣмъ другія, она сразу можетъ вліять на многія стороны жизни. Такъ и значеніе дѣла этихъ трехъ лицъ простиралось далеко за предѣлы церковной жизни и широко захватывало политическое положеніе всего народа. Они, по выраженію проф. Ключевского, „яркимъ созвѣздіемъ блещутъ на нашемъ XIV вѣкѣ, дѣлая его зарей политическаго и нравственнаго возрожденія Русской земли“ ¹⁾.

Вспомнимъ затѣмъ о значеніи въ нашей исторіи, наприм., Кіево-Печерской лавры. Монастырь этотъ справедливо называютъ культурнымъ центромъ домонгольской Руси. Онъ оказалъ громадное вліяніе на народъ, поддерживалъ въ немъ христіанскія начала жизни и долгое время служилъ сосредоточіемъ христіанской просвѣтительной дѣятельности и всей русской образованности ²⁾. Вообще изъ за монастырскихъ стѣнъ русскому народу свѣтился идеаль христіанской жизни. Онъ шелъ туда, чтобы поучаться и укрѣпить тамъ свои нравственно-духовныя силы. Ослабѣвала ли въ русскомъ человѣкѣ надежда, истощалось ли терпѣніе, начинала ли погасать вѣра, онъ отправлялся въ монастырь къ какому-либо подвижнику или его послѣдователямъ и здѣсь, подобно тому какъ отъ горящаго свѣтильника зажигаются потухающіе свѣчи, въ немъ вновь загорался огонекъ духовной жизни, осмысливающій его земное существованіе и со-

1) Тамъ же.

2) Das Kiever Hohlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Ruslands von Dr. Goetz Universitäts professor in Bonn. Passau. 1904 г. Рефератъ, читанный 26 сентября 1904 г. въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владиміра проф. Ф. Н. Титовымъ, Труды Кіевской Духовной Академіи 1904 г. № 12.

грѣвующій его сердце отъ охлажденія подѣ влияніемъ окружающей обстановки. Въ монастырѣ кромѣ того онъ получалъ полезное наставленіе, нужный совѣтъ, утѣшеніе и убѣждался въ возможности для человѣка иныхъ порядковъ жизни и великомъ значеніи для него христіанства. Миръ, скажемъ мы словами проф. Ключевскаго, относящимися къ монастырю св. Сергія XIV вѣка, уходилъ изъ многихъ монастырей „ободренный и освѣженный, подобно тому какъ мутная волна, прибывая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣстѣ, и сбѣжить далѣе свѣтлой и прозрачной струей“. Такое влияние монастырей, какъ и всякое духовное, дѣйствовало органически, подобно закваскѣ, широко захватывало общество и вошло въ содержаніе духовнаго богатства русскаго народа. Итакъ монастыри съ ихъ аскетическимъ идеаломъ участвовали въ самомъ строеніи русскаго государства и цѣлые вѣка руководили духовною жизнью народа. О нихъ прямо можно сказать, что они составляютъ какъ бы камни въ основаніи зданія русскаго государства. Монастыри въ исторіи Россіи приобрѣли также и государственное значеніе. Поэтому русскому государству слѣдуетъ очень осторожно обсуждать вопросы, связанные съ монастырями, и помнить, что отрицательное отношеніе къ нимъ во многихъ случаяхъ можетъ оказаться тѣмъ же, какъ и отламываніе камней изъ фундамента большого зданія.

Но вѣдь въ настоящее время монастыри не то, что были раньше во времена св. Антонія, св. Сергія и друг. великихъ подвижниковъ, монахи очень плохи и вовсе не выполняютъ ихъ завѣтовъ,—можетъ быть, скажутъ нѣкоторые. Да, конечно, нельзя отвергать, что теперь монастыри находятся въ иномъ положеніи и большинство измѣнило даже своему древнему назначенію,—служить прежде всего на духовную пользу самихъ монаховъ. При изученіи исторіи монастырей въ ней замѣчается по отношенію къ монастырямъ процессъ ослабленія начала общиннаго и все большее и большее развитіе начала институтнаго, которое въ настоящее время сдѣлалось не только преобладающимъ, но почти одно составляетъ природу большинства монастырей. Возникновеніе монастырей было вызвано потребностью людей устраивать жизнь возможно удобнѣе для достиженія ея высшихъ цѣ-

лей. На первомъ планѣ выступали духовные интересы монаховъ, которые составляли основаніе самого образованія монастырей и отражались на самыхъ порядкахъ ихъ жизни. Наприм., въ монастыряхъ св. Пахомія не было даже монаховъ-священниковъ и литургіи для нихъ совершали священники изъ сосѣднихъ сельъ. Пахомій считалъ вреднымъ для монаховъ получать степени священства, такъ какъ это питаетъ въ нихъ духъ любочестія и желанія преимущества, вызывающія въ монастыряхъ распри, зависть и раздѣленія. Изъ сочиненій св. Іоанна Кассіана видно, что въ иныхъ монастыряхъ не было даже особаго храма и монахи въ субботу и воскресенье ходили въ ближайшую сельскую церковь. Въ горѣ Нитрійской къ концу IV вѣка жило около 5000 иноковъ, раздѣленныхъ на 50 монастырей частью общежительныхъ, частью келейныхъ, общимъ мѣстомъ собранія былъ одинъ храмъ, куда они собирались въ субботу и воскресенье для общихъ молитвъ, проводя остальные дни въ подвигахъ благочестія въ своихъ монастыряхъ. На горѣ Нитрійской было 8 пресвитеровъ, но только одинъ изъ нихъ совершалъ литургію ¹⁾. Такимъ образомъ монастыри представляли изъ себя общества монаховъ. Съ теченіемъ времени, когда языческій греко-римскій міръ сталъ все болѣе и болѣе принимать христіанскія формы жизни, число монаховъ въ пустыняхъ стало уменьшаться, что сдѣлалось уже особенно замѣтно въ VI вѣкѣ. Но впечатлѣніе, произведенное на христіанское общество монашествомъ, оказалось настолько сильно, что оно вызвало въ немъ стремленіе съ своей стороны поддерживать монастыри и сохранять для міра, хотя часть того, что обнаружили монахи въ своихъ порывахъ къ единенію съ Богомъ. Одно изъ наиболѣе сильныхъ впечатлѣній, произведенныхъ на міръ монахами, составляла, по видимому, ихъ способность къ молитвѣ, особенно же въ лицѣ ихъ высшихъ представителей. На важное значеніе этой молитвы обращали вниманіе многіе св. отцы и очень нерѣдко, наприм., св. Іоаннъ Златоустъ, который въ одномъ мѣстѣ, разъясняя значеніе монашества, прямо указываетъ,

¹⁾ Церковная Исторія Созомена. Кн. VI, гл. 31; и Руфина. Жизнь пустынныхъ отцовъ. Главы XXI и XXII и Исторія монашества проф. Казанскаго. Часть II, Москва 1856 г., стр. 15.

что они молятся за міръ. Подъ вліяніемъ этого императора и частные люди начали обнаруживать желаніе снабжать монастыри всѣмъ необходимымъ и учреждать въ разныхъ мѣстахъ новые, лишь бы въ нихъ совершалась монахами возможно частая молитва за учредителей и благотворителей монастырей съ ихъ родными и за цѣлое государство. Въ подобныхъ отношеніяхъ къ монастырямъ стали усматривать также и даръ Богу вообще. Притокъ людей въ качествѣ монаховъ въ пустыни мало-по-малу сталъ смѣняться стремленіемъ самихъ мірскихъ людей устраивать и поддерживать монастыри. По свидѣтельству Вальсамона, въ 1158 году послѣдовалъ императорскій хрисовулъ, которымъ было повелѣно, всѣ недвижимыя имущества, находившіяся въ тотъ моментъ во владѣніи монастырей со всѣми принадлежащими имъ правами, по установленнымъ документамъ или безъ нихъ, если только до тѣхъ поръ не были доказаны на нихъ права казны, считать полною собственностью монастырей, чтобы они владѣли ею на всѣ вѣка непоколебимо и безъ всякаго посторонняго вмѣшательства“, какъ даромъ императорскаго Величества и чистымъ приношеніемъ. Этимъ хрисовуломъ, какъ пояснено въ немъ, императоръ приносить Богу нѣкій малый даръ взамѣнъ тѣхъ безчисленныхъ благодѣяній, какія получилъ отъ щедродательной Его десницы. Въ хрисовулѣ же 1181 года, подтверждающемъ эти постановленія, по отношенію въ монастырямъ замѣчено: „мое императорское величество, нуждаясь въ подкрѣпленіи вашими молитвами и во всемъ желая итти по стопамъ блаженной памяти императора, самодержца и отца моего, благоволило подражать и его благотворительности по отношенію къ вамъ, посвятившимъ себя Богу, а такимъ образомъ и черезъ единое сіе благотвореніе къ вамъ, приносится даръ и Богу, царствующему надъ нами, и святой душѣ самодержца и отца моего императорскаго величества, и для нашей державы полагается опора и основаніе къ преслѣванію во благо“... Вмѣстѣ съ этимъ монастырямъ напоминаетъ заботиться объ исполненіи при поминовеніяхъ отца императора всего, что указано монастырями въ поданномъ императору прошеніи 1). Какъ видно, наприм., изъ 17 правила

1) Толкованіе Вальсамона на 12 правило VII Вселенскаго Собора. Правила св. апостолъ и соборовъ съ толкованіями. Выпускъ III, Москва 1899 г.

VII Вселенскаго собора устраивать монастыри предоставлено право и лицамъ не изъ монаховъ, клирикамъ и мірянамъ, лишь бы они могли обезпечить его устройство и содержаніе нужными средствами. XIV новелла императора Льва Философа предписывала, ссылаясь на слова Спасителя: гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ (Мтѣ. XVIII, 20), что средства эти кромѣ построенія храма и снабженія его утварью должны быть достаточны для содержанія не менѣе трехъ монаховъ. Государственный законъ въ Византіи поддерживалъ такія явно выраженныя намѣренія. Если жертвователъ умиралъ, не успѣвъ осуществить своего намѣренія и сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе своимъ имуществомъ, то согласно XIV новеллѣ Льва Философа монастырь получалъ долю его наслѣдства наравнѣ съ дѣтьми умершаго. Когда умершій былъ бездѣтенъ,—но оставлялъ родителей, то одна часть его имущества поступала родителямъ, а другая монастырю. При переходѣ же наслѣдства въ боковыя линіи всѣ такіе родственники получали лишь $\frac{1}{3}$ часть, а $\frac{2}{3}$ шли на монастырь ¹⁾.

Изъ другихъ византійскихъ узаконеній видно, что ктиторы монастырей, какого бы званія они ни были, получали большое вліяніе на самое ихъ управленіе, на избраніе настоятелей, опредѣленіе способовъ ихъ содержанія и распоряжались монастырскимъ имуществомъ. Они, какъ показываетъ I правило Константинопольскаго Двукратнаго Собора, иногда смотрѣли на монастыри какъ на свою собственность, и по замѣчанію Собора, „надписывали себя владѣльцами пожертвованнаго и придумывали хитрость дѣлать посвященія Богу посредствомъ одного наименованія. Они не стыдятся и послѣ пожертвованія усвоятъ себѣ ту же власть, какую не возбранялось имѣть имъ прежде. И столько корчемничества примѣшалось къ этому дѣлу, что многое изъ посвященнаго Богу явно продается самими жертвователями къ изумленію и огорченію видящихъ все это“. Если вспомнить при этомъ о св. Антоніи, св. Пахоміи и другихъ основателяхъ монастырей и о преслѣдовавшихся ими при этомъ цѣляхъ, то мы ясно чувствуемъ, что уже въ Византіи монастыри начали измѣнять свое прежнее назначеніе. Церков-

¹⁾ Толкованіе Вальсомона на 17 правило. Тамъ же, стр. 495—496.

ная власть того времени вполне примирялась съ этимъ и съ этой точки зрѣнія устанавливала свое отношеніе къ монастырямъ. Со времени императора Алексѣя Комнена, который желалъ временно обезпечить разоренныя епископскія кафедры присоединеніемъ къ нимъ богатыхъ монастырей ¹⁾, порядокъ этотъ мало-по-малу вошелъ въ обыкновеніе. Епископъ являлся игуменомъ монастыря и пользовался его доходами. Конечно, епископъ, предназначенный къ управленію епархіей, требовавшему много вниманія и труда, могъ быть настоятелемъ монастыря только формально и не имѣлъ возможности выполнять то, въ чемъ должны заключаться обязанности игумена по разъясненію самихъ представителей монашества. Епископъ волей-неволей становился просто административнымъ вачальникомъ монастыря и поддерживалъ съ нимъ лишь чисто внѣшнія отношенія. Даже сами патріархи, по своему положенію еще менѣе способные заботиться о духовной жизни каждаго монаха, однако находили возможнымъ пользоваться, такъ называемымъ, правомъ ставропигіи, т. е. принимать въ свое собственное управленіе монастыри и притомъ не одинъ, а многіе. Патріархи, конечно, получали съ такихъ монастырей извѣстные доходы и съ этой точки зрѣнія, повидимому, нерѣдко и смотрѣли на нихъ. По крайней мѣрѣ относительно епископовъ вообще объ этомъ свидѣтельствуетъ Константинопольскій Двукратный Соборъ въ своемъ правилѣ. Здѣсь сказано, что многія епископіи приходятъ въ упадокъ, потому что предстоятели ихъ свои попеченія вмѣсто нихъ обращаютъ на созиданіе новыхъ монастырей и, ухищряясь на подрывъ епископій, доходы съ этихъ монастырей присваиваютъ себѣ, заботясь объ умноженіи послѣднихъ. Будемъ также имѣть въ виду, что патріархи, какъ утверждаетъ Вальсомонъ въ своемъ толкованіи на 13 правило VII Вселенскаго Собора, находили возможнымъ дарить монастыри мірскимъ людямъ ²⁾. Во многомъ изъ этого развѣ можно усматривать отношеніе къ монастырямъ, вытекающее изъ принциповъ, положенныхъ въ ихъ основаніе великими представителями монашества.

¹⁾ Толкованіе Вальсомона на 37 правило Трульскаго Собора. Тамъ же.

²⁾ Правила св. соборовъ съ толкованіями. Изданіе Москов. общества любителей дух. просвѣщенія. Выпускъ III, стр. 476.

Они едва-ли оправдали бы, наприм., что монастыри могутъ служить средствомъ для доходовъ епископамъ или что настоятели ихъ могутъ ограничиваться лишь ролью административныхъ начальниковъ, да еще съ высшимъ духовнымъ саномъ, и не быть изъ лицъ, посвятившимъ себя тому же, какъ и остальные монахи, и живущихъ съ ними одной общей жизнью... Гдѣ же при такихъ условіяхъ забота о духовномъ развитіи каждаго монаха, которую подвижники выдвигали на первый планъ и ради которой возникали и самые монастыри? Нѣтъ, нужно признать, что очень много монастырей во времена еще Византіи изъ общинъ монаховъ, на удовлетвореніе духовныхъ нуждъ которыхъ они прежде всего были рассчитаны, превратились въ особыя церковныя учрежденія, къ которымъ монахи оказались, такъ сказать, приставленными, какъ лица наиболѣе подходящія и носящія на себѣ монастырскую традицію. Византійскіе взгляды и порядки, естественно, отразились въ Россіи и на отношеніи къ монастырямъ. Почти съ самаго же начала у насъ появились два рода монастырей. Одни были вызваны къ существованію людьми ищущими въ нихъ духовнаго развитія, основаны, по выраженію лѣтописца, слезами, пощеніемъ и молитвою. Другіе же учреждались князьями и боярами въ благодарность Богу за какую-либо милость, для поминовенія умершихъ или живыхъ, въ воспоминаніе какого-либо важнаго событія въ жизни государственной или частной и т. п. Эти послѣдніе монастыри сразу возникали, какъ церковныя учрежденія, для которыхъ мало-по-малу набирались и монахи. Понятно, что лѣтописецъ различаетъ эти два рода монастырей и отмѣчая, что вторые не таковы, какъ первые, отдастъ преимущество основаннымъ слезами, пощеніемъ и молитвою ¹⁾. Въ Россіи также были эпохи высшаго разцвѣта монашества, когда появлялись среди него такіе личности, какъ св. Антоній и Феодосій Печерскіе съ ихъ послѣдователями, св. Сергій Радонежскій съ его многочисленными учениками и друг. Но затѣмъ стремленіе къ монашеству ослабѣвало, хотя число монастырей, повидимому, не уменьшалось. Почти всѣ они, не исключая и основанныхъ лучшими представителями монашества, получили характеръ институтный, т. е. учрежденій, которые стали служить не

¹⁾ Лѣтопись Нестора I, 13.

только для проживанія монаховъ, но и разнымъ другимъ цѣлямъ. Этотъ взглядъ на монастыри, какъ на учрежденіе, хотя не получившій словеснаго выраженія, но воспринятый изъ опыта жизни, ясно обнаруживался въ Россіи и въ прежнее время и вызывалъ тѣ или иныя отношенія къ монастырямъ. Особенно сильно вліяніе его чувствуется въ извѣстныхъ спорахъ св. Іосифа Волоцкаго съ св. Ниломъ Сорскимъ и ихъ сторонниками по вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ. Обѣ стороны исходили изъ разныхъ взглядовъ на монастыри. Сторонники св. Нила Сорскаго считали, что монастыри должны быть понимаемы, какъ общины монаховъ, заботящихся о спасеніи свойственнымъ имъ образомъ, а Іосифъ Волоцкій ясно сознавалъ, что въ ихъ природѣ образовалось и начало институтное, не покрываемое интересами живущихъ въ монастыряхъ монаховъ и служащее еще и другимъ цѣлямъ. Развѣ это неясно, наприм., изъ разсужденій Іосифа на соборѣ 1503 года. Многие монастыри, по его разъясненію, построены епископами и князьями еще въ началѣ просвѣщенія русской земли вѣрою. Основатели монастырей прежде всего старались сооружать въ нихъ храмы, а для богослуженія въ храмахъ необходимы были хлѣбъ, свѣчи, ладонъ и средства для содержанія священнослужителей. Чтобы монастыри и по смерти своихъ ктиторовъ не пришли въ упадокъ, нужно было обезпечить ихъ существованіе надежными и постоянными средствами. Этими средствами служили села и другіе источники, которыми благочестивые ктитору надѣляли монастыри, между прочимъ и для того, чтобы бѣдные и больные находили здѣсь пріютъ и успокоеніе. А монахи отрeksiеся отъ міра должны были исполнять всѣ монастырскія работы съ постомъ и молитвою и завѣдывать дѣлами благотворительности. Трудясь для успокоенія странниковъ и больныхъ, для содержанія церковныхъ людей и предстоятелей, монахи не только не заслуживаютъ осужденія, но за свои труды и постничество получаютъ еще сугубую награду. И блаженные ктитору воспримутъ за свои приношенія воздаяніе отъ Бога, что въ монастыряхъ совершается по нимъ вѣчное поминовеніе, на пользу ихъ душамъ. Если же нѣкоторые монахи подъ вліяніемъ корыстолюбія употребляютъ во зло достояніе Божіе, то они одни и будутъ отвѣчать за свои дѣйствія и ради

этихъ немногихъ, невнимательныхъ къ спасенію своей души, не слѣдуетъ закрывать путь къ спасенію другимъ, вступающимъ въ монастыри, и лишать душевной пользы ктиторъ 1). Игумены, иноки и попы могутъ впадать въ согрѣшенія, справедливо замѣчаетъ св. Іосифъ въ другомъ мѣстѣ, а церковь Божія и монастыри никогда не согрѣшаютъ 2). Св. Ниль же Сорскій, обращая взоры ко временамъ процвѣтанія египетскаго монашества, настаивалъ на лишеніи монастырей права имѣть села и чтобы чернецы жили по пустынямъ и кормились рукодѣліемъ 3). Оба были правы съ своихъ точекъ зрѣнія и въ виду отсутствія стремленія прежде всего примирить самыя исходныя пункты споръ этотъ не получилъ разрѣшенія. Соборъ же подъ вліяніемъ ясныхъ указаній самой жизни склонился на сторону св. Іосифа Волоцкаго и призналъ необходимымъ сохраненіе за монастырями ихъ недвижимыхъ имуществъ, которыя сами по себѣ не могутъ вредить инокамъ, искренно заботящимся о спасеніи своей души. Принятіе съ теченіемъ времени въ свою природу институтнаго начала—удѣлъ каждаго великаго духовнаго явленія, не исключая и монашества. Это необходимо уже для самаго сохраненія вліянія на послѣдующія поколѣнія. Приобрѣтая характеръ института или учрежденія, духовное явленіе продолжаетъ дѣйствовать въ мірѣ какъ бы независимо отъ измѣнчивыхъ человѣческихъ настроеній и взглядовъ и направляется той волей, которая вызвала явленіе. Иначе самое духовное явленіе можетъ быть легко затеряно въ человѣчествѣ и быть вытѣснено изъ душъ людей разными другими интересами и вліяніями. На переживаніе же духовнаго явленія во всемъ его объемѣ людьми даннаго времени, чтобы они были живыми его носителями, рассчитывать невозможно и въ этомъ отношеніи трудно что-либо сдѣлать. Какимъ образомъ можемъ мы, наприм., заставить появиться такихъ людей, какъ св. Антоній Великій, св. Антоній и Феодосій Печерскіе, св. Сергій Радонеж-

1) Прибавленіе къ твореніямъ св. отцовъ. Часть X, Москва, 1851 г.

2) Грамота игумена Іосифа къ боярину Борису Васильевичу о причинахъ неоставленія имъ монастыря при утѣсненіяхъ онаго. Древняя Россійская Вавлюфика. Часть XIV Москва 1799 г. стр. 189.

3) Жизнь преп. Іосифа составленная неизвѣстнымъ. Прибавленіе къ Твореніямъ св. отцовъ. Часть X.

скій и друг.? Однако отъ насъ зависитъ стараться возможно лучше и въ болѣе живомъ видѣ сохранить завѣщенные ими идеи, примѣры, формы жизни и т. п. Этой важной задачѣ между прочимъ и служатъ монастыри. Черезъ нихъ передъ каждымъ новымъ поколѣніемъ людей, какъ бы снова оживаетъ личность того или другого подвижника и выступаетъ изъ глубины вѣковъ со своею уже давно протекшею жизнью. Завѣса времени, отдѣляющая насъ отъ подвижника, какъ бы разступается. Онъ снова и снова производитъ на людей поднимающее духъ впечатлѣніе и переноситъ насъ въ область вышихъ цѣлей жизни. Здѣсь мы какъ бы становимся у порога безсмертія и начинаемъ чувствовать связь загробнаго міра съ нашимъ. Такъ приходится характеризовать то, что испытываютъ часто многіе при осмысленномъ посѣщеніи нашихъ монастырей. Мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ сильно можетъ дѣйствовать въ духовномъ отношеніи пребываніе, наприм., въ Кіево-Печерской лаврѣ. Тамъ человѣкъ сталкивается со слѣдами такой мощи человѣческаго духа и силы воли и такой возможности вѣры и стремленія къ инымъ задачамъ жизни, которыя ранѣе онъ не могъ себѣ представить. Въ своей душѣ онъ чувствуетъ появленіе какого-то новаго содержанія, которое начинаетъ бросать иной свѣтъ на всю жизнь. Даже люди невѣрующіе и презрительно думающіе о монастыряхъ, и тѣ подъ вліяніемъ лавры переживаютъ иногда нѣчто такое, что какъ-бы клиномъ врывается въ ихъ душу. Одни изъ нихъ начинаютъ испытывать какой-то непонятный имъ страхъ, а другіе, прерывая пребываніе въ лаврѣ, спѣшатъ обратно въ обычную обстановку жизни. А вотъ мысли и чувства, какія можетъ вызвать Троицкая Сергіева лавра и которыя хорошо выражаетъ Филаретъ, митрополитъ московскій.

Мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву, говоритъ онъ, какъ бы погруженный въ переживаніе окружающихъ его впечатлѣній съ обращеніемъ къ самой лаврѣ. „Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла святыхъ, обителица святыни, свидѣтелей праотческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ преп. Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда

поколебалась было Россія. Знаю, что и лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и таже и тѣмъ же сокровищемъ богата, т. е. Божіею благодатью, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ его пустынь, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его Лаврѣ: но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя троицы? Вошелъ бы я въ него на всюнощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горять тише и яснѣе свѣчи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вдохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орашеньъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и черезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесной. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которая въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергій, и въ награду за трудъ дня, и за гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрупъ согнивающего хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынь, Преподобный Никонъ слѣдно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое безъ сомнѣнія поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго Архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистоцимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія“ ¹⁾.

¹⁾ Слово сказанное 27 Сентября 1842 въ Троицкой Лаврѣ. Сочиненія Филарета митрополита московскаго т. IV Москва 1882 года стр. 193—194.

„И въ наши дни, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Ключевскій, люди всѣхъ классовъ русскаго общества притекають ко гробу преп. Сергія съ своими думами, мольбами и упованіями, государственные дѣятели приходятъ въ трудные переломы народной жизни, простые люди въ печальныя или радостныя минуты своего частнаго существованія. И этотъ притокъ не измѣнялся въ теченіи вѣковъ, несмотря на неоднократныя и глубокія переменъ въ строѣ и настроеніи русскаго общества. Старыя понятія изсякали, новыя пробивались или наплывали, а чувства и вѣрованія, которыя влекли сюда людей со всѣхъ концовъ русской земли, бьютъ до сихъ поръ тѣмъ же свѣжимъ ключемъ, какъ были въ XIV вѣкѣ. Если бы возможно было воспроизвести писаніемъ все, что соединилось съ памятью Преподобнаго, что въ эти 500 лѣтъ было молчаливо передумано и пережито передъ его гробомъ милліонами умовъ и сердець, это писаніе было бы полной глубокаго содержанія исторіей нашей всенародной политической и нравственной жизни“¹⁾.

Монастыри, очевидно, должны быть дороги для насъ, и вполне оправдываютъ свое существованіе уже однимъ тѣмъ, что на ихъ почвѣ появились многіе великіе подвижники, до сихъ поръ оказывающіе благотворное вліяніе, и преимущественно черезъ монастыри. Кромѣ того монастыри представляютъ изъ себя пункты, гдѣ совершается частое богослуженіе. А хорошее отиравленіе богослуженія, обыкновенно встрѣчаемое въ монастыряхъ, очень важно для современнаго общества, такъ какъ оно служитъ почти главной связью его съ Церковью. Многіе изъ монастырей построены въ память какого либо событія милости Божіей. Вступающій въ эту среду человѣкъ сразу попадаетъ въ атмосферу соответствующихъ воспоминаній, отъ нихъ въ немъ сильнѣе загорается вѣра и душа дѣлается способнѣе къ молитвѣ. Немало людей находятъ въ монастыряхъ самое удобное для себя мѣсто для исповѣди и св. причащенія. Обычная обстановка часто не даетъ человѣку возможности сосредоточиться и спокойно подумать о своемъ нравственно-духовномъ состояніи. Попадая же въ другія условія, человѣку легче удержать въ

¹⁾ Рѣчь въ торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 26 сентября 1892 г.

себѣ слабыя порывы духа и сознательнѣе приступить къ таинствамъ, хранимымъ Церковью. Мнѣ пришлось посѣтить немало различныхъ мѣстъ Россіи и на основаніи многочисленныхъ наблюденій я долженъ сказать, что гдѣ въ самомъ городѣ или селеніи или недалеко отъ нихъ есть монастырь, особенно же изъ наиболѣе извѣстныхъ, тамъ религіозное чувство населенія живѣе и способнѣе къ вліянію на душу. Для людей порвавшихъ связи съ Церковью или съ погасающей религіозной жизнью все это мало замѣтно, и даже понятно. Но долгъ уваженія къ чужой личности съ ея высшими интересами, о которыхъ столь много говорятъ въ послѣднее время, долженъ заставить и такихъ людей, особенно же призванныхъ къ законодательству или государственному управленію, прислушиваться къ подобнымъ заявленіямъ. Вѣдь и каждому изъ нихъ при желаніи не трудно убѣдиться, хотя бы по однимъ внѣшнимъ фактамъ, какое великое значенія для нравственно-духовной жизни русскаго народа имѣютъ, наприм., Кіево-Печерская и Почаевская лавры въ юго-западной Россіи, Соловецкій и Валаамскій монастыри на сѣверѣ, Иннокентьевскій близъ Иркутска въ Сибирѣ, Троицкая Сергіева лавра, монастыри Митрофаньевскій, Воронежскій, Задонскій, Саровскій, Оптина и Зосимовы пустыни въ средней Россіи, и многіе другіе. Нѣкоторые изъ нихъ оказываютъ вліяніе на всю Россію. Сколько народа всякаго званія еще на нашихъ глазахъ пріѣзжало въ Оптину пустынь къ старцу о. Амвросію и большинство изъ нихъ, по ихъ собственнымъ словамъ, получали отъ него нужную имъ помощь! Мнѣ хорошо также извѣстно, что, наприм., Зосимову пустынь, верстахъ въ 30 отъ Сергіевой лавры, немало посѣщаетъ людей вполне интеллигентныхъ съ большой духовной пользой для себя. Развѣ можно было бы уничтожить всѣ подобныя монастыри? Вѣдь это значило бы изуродовать русскую жизнь и совершить насиліе надъ русскимъ народомъ по отношенію къ удовлетворенію имъ своихъ лучшихъ и сокровенныхъ духовныхъ потребностей. Такимъ образомъ вопросъ о монастыряхъ вовсе не сводится къ вопросу о монахахъ, какъ стараются думать многіе. Монастыри въ Россіи существуютъ не только для монаховъ, но составляютъ и общее народное достояніе, которое мы должны оберегать ради духовныхъ интересовъ русскаго народа.

Что же касается монашества, то я отнюдь не утверждаю, что относительно его все обстоит благополучно. Нормальное состояніе монастырей требуетъ развитія ихъ какъ учреждений и какъ монашескихъ общинъ. Но къ сожалѣнію съ монахами вообще, повидимому, произошло то, что съ гениальной прозорливостью предвидѣлъ еще св. Антоній Великій 1500 лѣтъ тому назадъ. „Придетъ время, сказалъ онъ съ вздыханіемъ и слезами своимъ ученикамъ, когда монахи оставятъ пустыни и потекутъ вмѣсто нихъ въ богатые города, гдѣ вмѣсто этихъ пустынныхъ пещеръ и тѣсныхъ келлій воздвигнутъ гордыя зданія, могущія спорить съ палатами царей, вмѣсто нищеты возрастетъ любовь къ собранію богатствъ; смиреніе замѣнится гордостью; многіе будутъ гордиться знаніемъ, но голымъ, чуждымъ добрыхъ дѣлъ, соотвѣтствующимъ знанію; любовь охладѣетъ; вмѣсто воздержанія умножится чревоугодіе, и очень многіе изъ нихъ будутъ заботиться о роскошныхъ яствахъ, не меньше самихъ мірянъ, отъ которыхъ монахи ничѣмъ другимъ отличатся не будутъ, какъ одѣяніемъ и наглавникомъ; и несмотря на то, что будутъ жить среди міра, будутъ называть себя уединенниками, т. е. монахами. При томъ они будутъ величаться, говоря: я Павловъ, я Аполлосовъ (Кор. 1, 12), какъ бы вся сила ихъ монашества состояла въ достоинствѣ ихъ предшественниковъ; они будутъ величаться отцами своими, какъ іудей—отцомъ своимъ Авраамомъ. Но будутъ въ то время и такіе, прибавилъ св. Антоній, которые окажутся гораздо лучше и совершеннѣе насъ, ибо блаженнѣе тотъ, кто могъ преступить и не преступилъ,—зло сотворить и не сотворилъ (Сир. 111, 11), чѣмъ тотъ, кто влекомъ былъ къ добру массою стремящихся къ тому ревнителей. Почему Ной, Авраамъ, и Лотъ, которые вели ревностную жизнь среди злыхъ людей, справедливо такъ много прославляются въ писаніи“¹⁾.

Духовные интересы монаховъ въ настоящее время въ большинствѣ монастырей дѣйствительно отошли куда-то на второй планъ, и о нихъ почти нѣтъ заботы. Чтобы быть монахомъ достаточно извѣстнаго внѣшняго поведенія и ношенія

¹⁾ Писанія св. Антонія Великаго. Москва 1883 г. Изрѣченія св. Антонія § 26, стр. 12 и Patrol. Graec. t. 40, p. 1095.

монашеской одежды. Монахи являются лишь лицами представленными къ монастырю, какъ учрежденію, и задача ихъ почти ограничивается совершеніемъ богослуженія или какимъ-либо внѣшнимъ служеніемъ монастырю, не исключая и завѣдыванія въ городахъ приносящими доходъ монастырскими домами, или другимъ недвижимымъ имуществомъ. Каждому извѣстно, что основатели монашества и его лучшіе представители однимъ изъ непремѣнныхъ условій монашеской жизни считали необходимость отказаться отъ всякаго права на личное имущество и соотвѣтственно этому устраивали порядки жизни и составляли правила. Константинопольскій же Двукратный Соборъ въ своемъ 6 правилѣ категорически постановилъ, что монахи не должны имѣть ничего собственнаго, но все ихъ имущество да укрѣпляется за монастыремъ, потому что блаженный Лука о вѣрующихъ во Христа и служащихъ образцомъ монашескаго общежитія говоритъ: никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее (Дѣян. IV, 32). Между тѣмъ въ наше время въ большинствѣ монастырей установились какъ разъ противоположныя этому порядки. Обѣтъ нестяжательности, требующійся при вступленіи въ монашество, на практикѣ стали понимать, повидимому, лишь въ оставленіи имущества, которое принадлежало при вступленіи, а и не въ отказѣ отъ всякаго права на него въ послѣдующее время. Монахи послѣ постриженія могутъ имѣть сколько угодно денегъ и держать ихъ на свое имя въ кредитныхъ учрежденіяхъ. А чѣмъ дальше подвигается монахъ по своей службѣ при монастырѣ, т. е. получаетъ санъ игумена, архимандрита, званія настоятеля и т. д., тѣмъ болѣе возвращается ему правъ по имуществу, отъ которыхъ онъ отказался въ моментъ постриженія. Законъ въ 1025 ст. тома X ч. I предоставляетъ архіереямъ, архимандритамъ и прочимъ „монашествующимъ властямъ“ передавать даже свое движимое, частное имущество по духовнымъ завѣщаніямъ кому угодно. Что это за монашествующія власти, о которыхъ говоритъ законъ? Очевидно, это тѣ лица, которые по правиламъ монашескимъ, должны жить одинаковою жизнью съ монахами, заботиться о ихъ духовномъ состояніи и во всемъ подавать имъ примѣръ. При отсутствіи послѣ монашествующихъ властей духовныхъ завѣщаній имущество ихъ переходитъ въ

качествѣ наслѣдства по закону къ ихъ родственникамъ, т. е. восстанавливаются даже родственныя связи монаховъ, которыя однако порвались при ихъ постриженіи. Благодаря такимъ порядкамъ и вообще нѣкоторымъ внѣшнимъ преимуществамъ, соединеннымъ у насъ съ принятіемъ монашества, люди, которые ничего не имѣютъ въ міру и которымъ не отчего отказываться, могутъ черезъ постриженіе въ монашество достигать очень хорошаго матеріальнаго положенія и дѣлать жизненную карьеру, о которыхъ они не могли бы и мечтать, не произнося монашескихъ обѣтовъ.—Кромѣ того настоятелями многихъ монастырей по византійскому примѣру состоятъ епархіальные или викарные епископы, по своимъ обязанностямъ не имѣющіе возможности входить въ духовныя нужды монаховъ. Управление же ими монастырями черезъ намѣстниковъ нисколько не помогаетъ дѣлу. Намѣстники являются лишь простыми помощниками епископа, не обладающими достаточной самостоятельностью необходимой для руководства братіей, и обыкновенно это создаетъ только двойное начальство въ монастырѣ, одинаково чисто внѣшняго характера. О забвеніи духовныхъ интересовъ монашествующихъ свидѣлствуетъ и назначеніе монастырскихъ настоятелей вообще. Обыкновенно при этомъ руководствуются почти исключительно умѣньемъ монаха приносить пользу монастырю внѣшнимъ образомъ и особенно его способностями по хозяйственному управленію, а не способностями его идти во главѣ братіи по пути монашеской жизни. Если все это терпимо при отношеніи къ монастырямъ, какъ учрежденіямъ, къ которымъ монахи приставлены для служенія, то едва-ли это примиримо со взглядомъ на нихъ какъ монашескія общины, спасающіяся особеннымъ образомъ по примѣру древнихъ подвижниковъ. Въ интересахъ восстановленія въ монастыряхъ этого начала необходимы реформы, и первая изъ нихъ—обращеніе по возможности всѣхъ монастырей въ общежительныя, которые и теперь всетаки еще лучше поддерживаютъ свойственные монашеству порядки жизни, а вторая—выборъ въ монастыри настоятелей прежде всего въ зависимости отъ ихъ способностей быть духовными руководителями братства. Если у насъ подорвалось расположеніе къ монастырямъ, какъ общинамъ монаховъ, будемъ хранить ихъ какъ особаго рода церковныя учрежденія, въ

которыхъ какъ въ формѣ заключено много духовнаго богатства. Разбейте форму, и воспріятіе его затруднится, а для многихъ сдѣлается почти вовсе невозможнымъ. Спасеніе же для монаховъ, искренно къ нему стремящихся, какъ замѣтилъ еще св. Антоній Великій, возможно и при настоящихъ условіяхъ, но только соединено съ бѣльшими препятствіями. Обращая вниманіе на уклоненія монаховъ отъ прежнихъ порядковъ жизни, св. Антоній однако ничего не говоритъ о необходимости уничтоженія изъ за этого самихъ монастырей, очевидно сознавая возможность служенія ихъ и другимъ церковнымъ цѣлямъ. По отношенію же къ монастырямъ, какъ учрежденіямъ, нельзя не высказать пожеланія, чтобы они принимали болѣе активное участіе въ духовныхъ интересахъ посѣщаемою ихъ народа, чтобы онъ получалъ возможность лучше понимать и воспринимать хранящееся въ монастыряхъ въ разныхъ видахъ духовное богатство. Пусть бы въ нашихъ монастыряхъ, особенно такихъ, какъ лавры, была приложена о стекающемся въ нихъ народѣ хотя часть тѣхъ духовныхъ заботъ, которыя, какъ мнѣ пришлось лично наблюдать, обнаруживаетъ католическое духовенство къ посѣтителямъ извѣстнаго Турда въ Южной Франціи. Тогда вліяніе нашихъ монастырей еще болѣе возрасло бы и еще сильнѣе содѣйствовало бы религіозной жизни русскаго народа. Если монахи, какъ мнѣ случилось слышать, отказываются отъ подобной дѣятельности, прикрываясь своими обѣтами и однако вполне примиряясь съ ними пріобрѣтеніе личной денежной собственности, или оказываются вообще неспособны къ этому, то почему бы не поручить духовную заботу о богомольцахъ представителямъ блага духовенства, что едва-ли создало бы какое-либо противорѣчіе съ понятіемъ монастыря, какъ церковнаго учрежденія? Условія переживаемой нами эпохи требуютъ затѣмъ отъ монастырей возможной для нихъ христіанской общественной дѣятельности. Монастырямъ слѣдовало бы основывать училища, въ которыхъ учащіеся кромѣ обученія наукамъ и ремесламъ пріобрѣтали бы умѣнье различать добро и зло, что духъ времени старается окончательно запутать. Большую пользу могли бы приносить больницы при монастыряхъ, въ которыхъ больные были бы окружены атмосферой проникнутой религіознымъ началомъ, и многимъ не приходилось бы страдать болѣзнью и умирать въ такихъ

мѣстахъ, гдѣ даже нельзя услышать спасительнаго имени Христа. Подобно этому для людей престарѣлыхъ и увѣчныхъ, неспособныхъ къ труду, составило бы истинное благодѣяніе устройство при монастыряхъ соответствующихъ учреждений, чтобы, проживая въ нихъ, эти люди могли постоянно чувствовать на себѣ духовное вліяніе монастыря и проводить жизнь въ болѣе удобной для спасенія обстановкѣ.

Все это, какъ мы видѣли, не противорѣчитъ задачамъ монастырей и самому строгому аскетическому идеалу, въ чемъ порукой намъ отмѣченная выше дѣятельность великихъ представителей монашества, которые могутъ служить примѣромъ для монаховъ вообще. Вспомнимъ кромѣ того,—что, наприм., въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, какъ видно изъ Кіево-Печерскаго Патерика, преп. Θεодосіемъ былъ устроенъ при монастырѣ дворъ съ церковью, гдѣ всегда жило много нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ, которые питались отъ монастыря. На нихъ тратилась одна десятая часть монастырскаго имѣнія. Кромѣ того преп. Θεодосій посылалъ каждую субботу возъ хлѣбовъ находящимся въ темницахъ и во узахъ ¹⁾. Исторія свидѣтельствуетъ также относительно св. Іосифа Волоцкаго (Волоколамскаго), что онъ устраивалъ училища для дѣтей, дома призрѣнія для старыхъ и убогихъ. во время голода кормилъ народъ на монастырскія средства. а когда увидѣлъ, что вслѣдствіе большой смертности очень много дѣтей потеряли родителей, построилъ особый домъ для сиротъ ²⁾. Заботы монастырей объ одержимыхъ нищетою и недугами св. Іосифъ, какъ приведено выше, выставлялъ даже однимъ изъ оправданій владѣнія монастырей недвижимыми имуществами и признавалъ для монаховъ полную возможность завѣдывать дѣлами благотворительности. Подобныя заботы о ближнихъ, требуемая христіанскою любовью, можетъ быть вполне покрыта бы по отношенію къ современнымъ монахамъ многіе недостатки и грѣхи ихъ монашеской жизни (1 Петра IV, 8). При такихъ условіяхъ монастыри привлекли бы къ себѣ немало новыхъ лицъ изъ міра, кото-

1) Часть I Живъ пр. Θεодосія. Одесса 1903 г. стр. 59.

2) Исторія православнаго монашества въ Сѣверо-восточной Россіи во времени пр. Сергія, составленная д. М. Кудрявцевымъ ч. II. Москва 1881 г. гл. V, стр. 121—122.

рые часто жаждутъ отдать себя на служеніе ближнимъ, да не находятъ для этого твердой точки приложенія своихъ силъ.

Итакъ существованіе монастырей не только должно быть охраняемо, но уничтоженіе ихъ вредно отозвалось бы на интересахъ Церкви и народа. Этимъ между прочимъ была бы уничтожена важная историческая особенность самой Россіи, благотворно дѣйствующая на ея жизнь, что, конечно, уже не можетъ входить въ задачу законодателя и правительства. Недостатокъ отъ отсутствія такихъ учрежденій, какъ монастыри, сознается въ послѣднее время даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Европы. До насъ дошли сообщенія, что въ Англійской Церкви и, кажется, еще въ какой-то протестантской странѣ, недавно былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ учрежденій, напоминающихъ наши монастыри, съ особымъ классомъ людей, поставившихъ своею цѣлью проводить извѣстнымъ образомъ жизнь и всецѣло посвятить себя на служеніе ея религіознымъ задачамъ.

Для болѣе прочнаго обезпеченія монастырей въ достиженіи ими многихъ цѣлей за ними необходимо сохранить по крайней мѣрѣ тѣ недвижимыя имуществы, которыми они владѣютъ въ настоящее время, и въ томъ числѣ земли. Необходимость для монастырей недвижимыхъ имуществъ хорошо разъяснена, какъ мы видѣли, еще св. Іосифомъ Волоцкимъ. Древнія церковныя правила, наприм., 12 правило VII Вселенскаго собора, 24 пр. IV Вселенскаго собора, 49 пр. Трулльскаго и друг. показываютъ, что Церковь вообще допускала для монастырей владѣніе недвижимыми имѣніями и распространила на нихъ свойства имущества церковнаго. 24 правило Халкидонскаго собора въ Славянской Кормчей наприм., прямо разъясняется въ томъ смыслѣ, что „сель и виноградовъ и прочихъ стяжаній церковныхъ у монастырей не отъимати“ ¹⁾. Если монастыри должны быть оберегаемы, то по вопросу собственно о монастырскихъ земляхъ пришлось бы повторить многое, что уже высказано относительно земель церковныхъ. Для монастырей земли могутъ быть важны между прочимъ и потому, что черезъ нихъ мона-

¹⁾ Правила св. Вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. Выпускъ II Москва, 1897 г., стр. 245.

хамъ предоставляется возможность кормиться трудами рукъ своихъ и, хотя этимъ, напоминать собою древнихъ египетскихъ инокъ, нанимавшихся на жатву у сосѣднихъ владѣльцевъ для полученія хлѣба на прокормленіе себя и другихъ нуждающихся въ помощи.

Нѣкоторые, недовольные монахами, въ доказательство необходимости отобрать монастырскія земли приводятъ соображеніе, что доходы съ нихъ все равно тратятся напрасно, на содержаніе не заслуживающихъ уваженія монаховъ. Но думать такъ, значить не отдавать себѣ отчета въ дѣйствительномъ положеніи дѣла. Я уже обращалъ вниманіе, что понятіе „монастыри“ теперь совсѣмъ не совпадаетъ съ понятіемъ „монахи“. Земли принадлежатъ монастырямъ, а доходы съ нихъ и другихъ недвижимыхъ имѣній идутъ на общія нужды монастырей, какъ церковныхъ учреждений. Если же нѣкоторая часть доходовъ употребляется собственно на содержаніе, приставленныхъ къ монастырю и служащихъ ему въ разныхъ отношеніяхъ монаховъ, то, конечно, они имѣютъ право на полученіе отъ этого учрежденія содержанія, безъ котораго нельзя жить и исполнять свои обязанности въ нашемъ мірѣ. Не забудемъ, что и русскій народъ въ своей массѣ умѣетъ различать понятіе монастыря и монаховъ, что, какъ мы видѣли, ясно обнаруживается еще у св. Іосифа Волоцкаго. Если народу замѣчаетъ неправильную жизнь монаховъ, то это въ его глазахъ не подрываетъ еще значеніе монастырей, какъ учреждений, и возможность для него пользоваться хранящимся въ монастыряхъ духовнымъ богатствомъ.

Приведенныя выше статистическія данныя показываютъ, что количество монастырскихъ земель въ Россіи еще гораздо меньше, чѣмъ церковныхъ. Въ Европейской Россіи оно не достигаетъ 0,1% ея пространства, въ Азіатской составляетъ лишь немногимъ болѣе 0,001%, а во всей Россіи около 0,02%. Монастырской земли въ Россіи оказывается столь мало сравнительно съ разными другими ея видами, что крики именно объ ея отчужденіи въ интересахъ облагодѣтельствованія крестьянъ, которымъ могутъ быть отведены другія земли, становятся прямо смѣшными, если только они не направляются скрытымъ стремленіемъ чѣмъ-либо повредить монастырямъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время ни о какомъ отчужденіи принадлежащихъ монастырямъ земель не должно быть и рѣчи. Помимо всего другаго это пошло бы въ разрѣзъ съ самими государственными интересами Россіи.

На основаніи всего сказаннаго я прошу IV Отдѣлъ Присутствія обсудить и принять слѣдующія положенія: Въ настоящее время не только не возможно отчуждать недвижимыя церковныя имущества съ какими бы то ни было цѣлями, но эти имущества слѣдовало бы увеличить въ интересахъ болѣе прочнаго доставленія Православной Церкви въ Россіи нужныхъ средствъ для ея цѣлей, въ которыхъ она терпитъ недостатокъ. До сихъ поръ не всѣ церкви надѣлены еще назначеннымъ имъ по закону количествомъ земли, и потому должно позаботиться по крайней мѣрѣ о пополненіи недостающаго количества. Въмѣстѣ съ этимъ является настоятельно необходимымъ установить въ законодательномъ порядкѣ разъясненіе о непріобрѣтеніи церковныхъ недвижимостей по давности. Существующій же порядокъ противорѣчитъ самой природѣ церковнаго имущества и является особенно вреднымъ для Церкви въ виду крайне легкихъ условій захвата въ Россіи чужого имущества по давности, при чемъ законъ не обращаетъ даже вниманія на добросовѣстность или недобросовѣстность дѣйствій завладѣвшаго. Церковныя имущества въ отношеніи ихъ защиты на судѣ должны пользоваться правами имуществъ казенныхъ ¹⁾.

Н. Кузнецовъ.

¹⁾ Послѣ обмѣна мнѣній положенія эти были приняты IV Отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія.